Librarium

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН

РИПОЛ КЛАССИК

Жизнь есть сон

Педро Кальдерон де ла Барка

Аннотация
Педро Кальдерон де ла Барка. Жизнь есть сон
О.В. Разумовская. Поэт, воин, монах: жизнь и творчество «испанского Шекспира»
Жизнь есть сон
  Действующие лица
  Действие первое
    Сцена 1-я
    Сцена 2-я
  Действие второе
    Сцена 1-я
    Сцена 2-я
    Сцена 3-я
    Сцена 4-я
    Сцена 5-я
    Сцена 6-я
    Сцена 7-я
    Сцена 8-я
    Сцена 9-я
    Сцена 10-я
    Сцена 11-я
    Сцена 12-я

Сцена 13-я
Сцена 14-я
Сцена 15-я
Сцена 16-я
Сцена 17-я
Сцена 18-я
Сцена 19-я
Действие третье
Сцена 1-я
Сцена 2-я
Сцена 3-я
Сцена 4-я
Сцена 5-я
Сцена 6-я
Сцена 7-я
Сцена 8-я
Сцена 9-я
Сцена 10-я
Сцена 11-я
Сцена 12-я
Сцена 13-я
Сцена 14-я

Аннотация

Самая известная и значительная пьеса выдающегося поэта и драматурга Золотого века Испании Кальдерона была впервые опубликована в 1635 году. В ней рассказывается о конфликте между судьбой и долгом, человеком и природой, властью и личностью.

Данное издание сопровождается вступительной статьей специалиста по литературе и искусству XVIXVII вв. Оксаны Разумовской.

Педро Кальдерон де ла Барка
Жизнь есть сон

© Разумовская О.В., вступительная статья, 2018
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

О.В. Разумовская
Поэт, воин, монах: жизнь и творчество «испанского Шекспира»

«...во многих творениях Кальдерона мы видим человека высокого духа и свободного образа мыслей, вынужденного пребывать в рабстве у мракобесия и искусственно присваивать глупости разум; и тут мы нередко попадаем в тяжелый разлад с самим автором, ибо тема нас унижает, а воплощение ее восхищает».

И. В. Гёте.

«Кальдерон открывает зрителям глаза на всеобщий драматизм существования...
Эстетику драм Кальдерона можно назвать эстетикой шока».

Видмантас Силюнас

«Поэт чести», «певец инквизиции», «католический Шекспир» — такие определения в разное время давали Кальдерону исследователи и критики. Однако ни одна из этих формул не приближает читателя к пониманию истинного

характера его творчества. Приняв духовный сан, Кальдерон стремился дистанцироваться от церковных властей с их религиозным догматизмом, направленным на подавление малейшего свободомыслия[1]. Даже его духовные сочинения для сцены — «аутос» — не всегда соответствовали строго прописанному канону, что вызывало негодование у представителей католической церкви[2], так что Кальдерона нельзя было назвать послушной марионеткой в руках Инквизиции. Религиозные мотивы, как и тема чести, игравшая важную роль во многих его произведениях, не являлись отличительной особенностью только его творчества, но входили в состав комплекса этических и философских проблем, волновавших многих мыслителей и литераторов эпохи барокко.

Что касается сравнения с Шекспиром, то оно скорее изящно, чем справедливо. Подобное определение умаляет самобытность фигуры

---

[1] Примечания: 1

Возможно, в этом кроется одна из причин популярности Кальдерона у немецких романтиков, в большинстве своем, потомственных протестантов.

[2] Примечания: 2

Два его аутос стали объектом расследования со стороны церковных властей в 1662 году, одна из этих пьес — «Las órdenes militares» — была подвергнута цензуре и последующему запрету.

Кальдерона, а Шекспира превращает в объект для сопоставления, застывший эталон, которым он никогда не был. Принадлежа к числу ключевых фигур в литературе своего времени, эти два драматурга принадлежали к разным эпохам: в творчестве Шекспира отразились ведущие тенденции искусства Ренессанса, Кальдерон же в своих произведениях наиболее полно воплотил эстетику и идеологию барокко. Роднят их только степень одаренности, восходящая к гениальности, и масштабность, общечеловеческая значимость созданных ими характеров.

В остальном Шекспир и Кальдерон так же мало похожи друг на друга, как елизаветинская Англия и Испания XVII века: первая находилась на пике своего расцвета, для второй золотой век клонился к закату, и она переживала затяжной кризис, от которого окончательно так и не оправилась. Победы Реконкисты[3], появление заокеанских колоний, безраздельное владычество на морях — все достижения предшествующего периода были перечеркнуты еще на рубеже XVI–XVII вв. и окончательно утрачены в ходе Тридцатилетней войны и других постигших Испанию

[3] Примечания: 3

Многовековая (VIII–XV вв.) военная кампания пиренейских испанцев по возвращению захваченных арабами территорий.

бедствий. Контрреформация[4] уничтожала малейшие ростки свободомыслия, удерживая страну практически в средневековом состоянии — по крайней мере, в вопросах философии, науки, общественной жизни. Интеллектуальная и творческая энергия испанцев, живших под гнетом католической церкви и беспомощной, но дорого обходившейся для населения монархии, находила свое выражение в искусстве и литературе, но и здесь Кальдерону удалось застать лишь последние десятилетия золотого века. К тому моменту, когда его имя уверенно зазвучало в корралях[5] и на поэтических сборищах, великие сыновья испанского Ренессанса уже подарили миру свои лучшие произведения и готовились сойти со сцены.

Ровесник своего века, Кальдерон родился в 1600 году в семье небогатого дворянина, служившего в казначействе. В те времена в Испании знатность происхождения еще могла компенсировать ограниченность средств и служила

[4] Примечания: 4

Религиозно-политическое движение XVI–XVII вв., инициированное католической церковью и направленное против распространявшегося в Европе протестантизма.

[5] Примечания: 5

Название первых стационарных театров в Испании, возникших в середине XVI века.

пропуском в мир привилегированных членов общества. Перед сыном аристократа открывались блестящие перспективы — хорошее образование, покровительство монархов, любовь утонченных красавиц, воинская слава, карьера при дворе или духовный сан. Все это было в жизни Кальдерона, но не принесло ему счастья. Пережив своих родных, наставников, возлюбленную, сына, драматург мог лишь повторить слова персонажа своей пьесы:

Как редко, редко лжет судьба,
Когда предсказывает горе,
И как сомнительна для счастья,
Так для несчастия верна[6].

Весьма долгая по меркам этой эпохи жизнь Кальдерона (1600–1681) была полна невзгод и лишений, в то время как радость и веселье были ему отмерены очень скупо. Горечь потерь была знакома ему с детства. Когда мальчику было девять лет, умерла его мать; через пять лет за ней

[6] Примечания: 6
«Жизнь есть сон», II, 11.

последовал отец[7]. Родители успели определить его в известный иезуитский колледж, после которого будущий поэт смог поступить в университет в Саламанке. Юриспруденция мало привлекала темпераментного и увлекающегося юношу, и в 1620-е годы его имя начинает фигурировать в хрониках литературной и театральной жизни Мадрида. В 1620–1622 гг. он участвует в поэтических состязаниях — и побеждает, в 1623-м году появляется его первая пьеса, «Любовь, честь и власть»[8].

Кальдерона влечет стезя профессионального драматурга, как и волшебный, чарующий мир театра, который переживает в Испании последнюю фазу расцвета. Однако заработки поэта скудны и нестабильны, а театры находятся под угрозой

---

[7] Примечания: 7

Как полагают некоторые биографы, Диего Кальдерон, отец писателя, обладал жестоким и властным нравом, что оказало глубокое влияние на характер впечатлительного ребенка и отразилось впоследствии в тематике его произведений (тема конфликта поколений, противостояния отца и сына присутствует во многих драмах Кальдерона). С братьями драматург был очень дружен и тяжело переживал их преждевременный уход.

[8] Примечания: 8

Существуют сведения, что Кальдерон начал писать стихи еще в подростковом возрасте, а первые драматические опыты были предприняты им в возрасте тринадцати лет, однако сами тексты этого периода не сохранились.

закрытия[9], и Кальдерон поступает на военную службу. В Испании, постоянно воюющей с одной или несколькими странами, услуги наемников ценились куда выше, чем литературные сочинения. Ни Лопе де Вега, крупнейший драматург своей эпохи, ни Сервантес, автор знаменитого «Дон-Кихота», не избежали этой участи — сменить, пусть и временно, перо на шпагу[10].

Кальдерон в течение многих лет совмещал эти два занятия — сочинительство и военное ремесло — однако ухудшение здоровья в начале 1640-х гг. заставило его сделать окончательный выбор в пользу литературы. К тому моменту он оставался единственным продолжателем традиций Лопе де Веги в испанском театре, наследником традиций золотого века, однако в его творчестве ренес-

---

[9] Примечания: 9

В 1640-х годах большинство корралей в Испании были закрыты по приказу короля — в знак траура по королеве Изабелле (1602–1644) и принцу Бальтазару (1629–1646), но в большей степени под давлением церкви.

[10] Примечания: 10

Корабль, на котором служил Лопе де Вега, принимал участие в знаменитой битве испанской Армады и английского флота в 1588 году. Драматургу посчастливилось вернуться домой невредимым. Сервантесу повезло меньше — в бою против Оттоманской флотилии при Лепанто он получил три ранения, в результате которых его левая рука осталась парализованной. Кальдерону не довелось участвовать в столь масштабных сражениях — его служба проходила, в основном, в Каталонии, Италии и Фландрии, — однако на его долю тоже хватило военных кампаний; можно предположить, что описание батальных сцен в его произведениях (например, в пьесах «Жизнь есть сон»,

«Стойкий принц») продиктовано не только воображением, но и воспоминаниями.

сансные тенденции, определявшие характер произведений его наставника, уступают место барочным настроениям и соответствующему стилю.

В этот период Кальдерон оказывается участником затяжного конфликта с церковью, имевшей в испанском обществе неограниченную власть и враждебно относившейся к светскому театру и причастным к его деятельности людям[11]. Являясь придворным драматургом и рыцарем ордена Святого Иакова (Сантьяго), Кальдерон не мог себе позволить открытого противостояния с представителями духовенства. Невосполнимые утраты, выпавшие на долю уже немолодого писателя (смерть возлюбленной и маленького сына, гибель братьев), заставили его пересмотреть свои взгляды на духовное служение, от которого он отказался в ранней юности, и принять сан. В 1650 году Кальдерон присоединился к ордену святого

[11] Примечания: 11

Кальдерон вызывал недовольство властей — как религиозных, так и светских — не только своим творчеством, вызывающим подозрения в вольномыслии, но и дерзким поведением. Писатель был участником нескольких дуэлей, одна из которых закончилась трагически для его противника. Преследуя убийцу своего брата Диего, Кальдерон с несколькими спутниками ворвался в женский монастырь, за что был сурово осужден придворным проповедником. Поэт высмеял его в одной из своих пьес, за что был наказан непродолжительным тюремным заключением.

Франциска и через год стал священником[12]. Подчиняясь требованиям церковных властей, драматург практически полностью отказывается от сочинения светских произведений, переключившись на создание ауто сакраменталь[13], хотя его последним законченным произведением стала комедия «Судьба и ссоры

Леонида и Марфизы» (1680). Полный список сочинений драматурга включает в себя около ста двадцати драм и восьмидесяти аутос, не считая интермедий и лирических произведений; это намного больше, чем у Шекспира, и намного меньше, чем у Лопе де

Вега, но достаточно, чтобы навеки вписать имя Кальдерона в историю мировой литературы и театра.

---

[12] Примечания: 12

На такой же шаг — вынужденно или добровольно — решались и другие писатели его времени, Лопе де Вега, Тирсо де Молино (настоящее имя Габриэль Тельес), Хуан Перес де Монтальбан. Зачастую подобный компромисс был единственным способом избежать преследования со стороны властей и продолжить литературную деятельность.

[13] Примечания: 13

Жанр религиозной драмы, распространенный в Испании в XVI–XVII вв. Аутос писались по заказу церкви и исполнялись во время праздника Тела Христова (в первый четверг после Троицы).

* * *

Пьеса «Жизнь есть сон», которую можно считать художественным манифестом барокко и вершиной раннего творчества драматурга, сочетает в себе черты различных жанров — драмы исторической, философской, трагикомедии, ауто, драмы чести. Дата создания пьесы не установлена; мадридские зрители увидели ее на сцене в 1635 году.

Современному читателю непросто распознать в сюжете драмы события Смутного времени на Руси, однако нет сомнений в том, что основой для пьесы послужили эпизоды из российской и польской истории XVII века. Драматург мог почерпнуть сведения по этой теме из московских записок Антонио Поссевино[14] или романа Суареса де Мендосы «Эвсторхио и Клорилена: московская повесть» (1629), а также из пьесы Лопе де Веги «Великий князь Московский»

[14] Примечания: 14

Поссевино (1534–1611) был известным проповедником, путешественником и дипломатом, а также первым иезуитом, посетившим Москву. Отразил впечатления от своей поездки в путевых записках («Московия», 1586).

(1606)[15]. Далекая, занесенная снегами Россия была для современников Кальдерона малознакомой, почти мифической страной, что делало ее более загадочной, чем знойная Африка или экзотический Восток. Однако характер событий Великой смуты, сама атмосфера гнетущего, напряженного ожидания политической развязки, горечь ускользающих надежд и предчувствие неизбежной катастрофы были мучительно знакомы испанцам, чья родина переживала один из самых трагических периодов своей истории. Кризис престолонаследия, смерть инфантов и королевы[16], массовое обнищание населения и повсеместно растущее недовольство правительством и церковью делало чуждую на первый взгляд славянскую тему близкой и понятной да-

---

[15] Примечания: 15

Кальдерон обращался к творчеству своего предшественника и в других случаях — например, при создании пьесы «Саламейский алькальд» (1645). Одноименная драма была написана Лопе де Вега по мотивам реального случая, произошедшего в эстремадурском селении.

[16] Примечания: 16

Король Филипп IV (1605–1665), покровитель Кальдерона и большой любитель театра, был женат дважды. Из его восьмерых детей, родившихся в первом браке, совершеннолетия достигла лишь младшая дочь, Мария Терезия. Король и его подданные возлагали свои надежды на принца Бальтазара, пятого ребенка и первого сына Филиппа и Изабеллы, однако он умер в возрасте шестнадцати лет. Овдовев, король женился на невесте своего умершего сына, Марианне. Двое из пяти их детей пережили младенчество, однако принц Карл, ставший преемником своего отца на престоле, страдал от многочисленных болезней, в том

числе душевных, и в народе слыл «заколдованным» и «одержимым».

же зрителям, которые никогда не слышали имен «Василий» или «Владислав»[17].

Кальдерон в своей пьесе дает очень свободную интерпретацию российско-польского эпизода, перенося акцент с исторической конкретики на аллегорический смысл описываемых событий. Принц Сехизмундо (в переводе Д. Петрова — Сигизмунд), в раннем детстве оказавшийся в темнице по приказу своего отца, напоминает одновременно и героя сказки[18], и персонажа христианской легенды[19], а наиболее образованным зрителям (или читателям) пьесы его история могла показаться художественным изложением платоновского мифа о пещере. Однако мысль, вынесенная в заглавие (и определяющая существование Сехизмундо и других персонажей

---

[17] Примечания: 17

Вероятнее всего, прототипом Басилио (в переводе Д. Петрова — Василия) из пьесы Кальдерона был Василий Шуйский (1552–1612). Образ Астольфа, возможно, восходит к фигуре короля Польши Владислава IV (1595–1648), который при поддержке московского правительства и бояр попытался овладеть русским престолом и был провозглашен царем в 1610-м, хотя на царство не венчался и фактическим монархом так и не стал.

[18] Примечания: 18

В фольклоре тема изоляции царских детей, помещения их в темницу и окружения запретами составляет ядро обширной группы сказок. Антропологи и этнографы объясняют этот мотив представлением о монархе как об особом существе, посреднике между миром смертных и богами. У разных народов список табу, окружающих правителя или его детей, включает запрет на выход из дворца, на общение с

подданными напрямую, требование не касаться земли (отсюда образ башни, присутствующий и у Кальдерона).

[19] Примечания: 19

История о Варлааме и Иосафате, которую считают христианским пересказом жизнеописания Будды, повествует об индийском правителе Авенире, получившем предсказание, что его единственный сын Иоасаф примет христианство. Чтобы избежать этого, царь заключает своего наследника в построенный специально для него дворец. Оказавшись за его пределами, принц видит царящие повсюду страдания и смерть и под влиянием проповеди отшельника Варлаама обращается в христианство, отрекается от престола и уходит со своим наставником в пустыню. Лопе де Вега переложил этот сюжет в драматическую форму.

драмы), была понятна любому современнику Кальдерона без дополнительных комментариев и параллелей, поскольку отражала доминирующее умонастроение это сложной и трагической эпохи. В этом смысле Сехизмундо был барочным аналогом средневекового «Всякого человека»[20]. Кому из зрителей пьесы не приходилось в одночасье терять все, что было важно и дорого в этой жизни, кого не коснулись стремительные и зачастую непредсказуемые перемены в финансовом, общественном, семейном положении, кто не страдал от ударов переменчивой судьбы, невольно вторя герою пьесы: «Что наша жизнь?

Одно безумье! Одна иллюзия она…» («Жизнь есть сон», II, 19)!

Зрители-современники Кальдерона, воспитанные в строгом католическом духе, знакомые с детства не только с основными догматами христианского вероучения, но и с риторикой и образностью проповедей, притч и житийной

[20] Примечания: 20

«Всякий человек» — средневековое моралите (аллегория в драматической форме), повествующее о раскаянии грешника. Главный герой пьесы (Everyman, Всякий человек), встречает Смерть и пытается найти себе компанию для последнего путешествия (Дружбу, Родственные связи, Знание, Процветание), однако осознает в итоге, что ходатайствовать за него перед Богом будут только его благие дела. К аналогичному выводу приходит Сигизмунд в пьесе: «Но будь то правда или сон, // Творить добро — вот наш закон» (III, 4).

литературы, с легкостью распознавали в истории злосчастного принца религиозный подтекст и моральную дидактику. Сехизмундо был наказан прежде, чем согрешил: еще до появления на свет он был признан виновным (в соответствии с представлением о первородном грехе). Его отец, увлекшийся астрологией и другими неугодными церкви науками, прочитал по расположению звезд и другим предзнаменованиям судьбу своего сына. Все указывало на то, что еще не родившийся младенец принесет своим родным немало горя, а достигнув зрелости и сменив отца на престоле, ввергнет свое отечество в бездну страданий, подчиняясь своей необузданной и порочной природе. Приняв гипотезу (к тому же полученную из столь недостоверного источника) за аксиому, Басилио поставил под сомнение важнейший догмат католического вероучения — представление о свободе воли, — сделав Сехизмундо заложником собственных заблуждений и духовной слепоты.

Подобно царю Лаю из античного мифа, получившему зловещее предсказание касательно своего сына Эдипа, Басилио пытается воспрепятствовать судьбе, заточив принца с младенческих лет в темницу и лишив его даже самых простых

человеческих радостей[21]. В истории Сехизмундо нетрудно угадать аллегорическое изображение любой человеческой жизни, какой она рисовалась в барочной картине мире. Виновный уже по факту своего рождения, человек влачит жалкое существование, заключенный, как в тюрьму, в оболочку бренной плоти, из которой его освободит лишь смерть, которая разбудит его для истинной жизни[22].

Не только плоть неволит нас: подобно заключенным в пещере из платоновского мифа, мы пребываем в плену своих иллюзий и заблуждений. В этом отношении от Сехизмундо ничем не отличается его отец, страдающий от гордыни и духовной слепоты, или его тюремщик Клотальдо, который расплачивается за грехи молодости

---

[21] Примечания: 21

Впрочем, Басилио дальновиднее печально знаменитого фиванского царя: он приказывает не убить сына, а лишь изолировать его, сохраняя ему жизнь из политических соображений, а также с намерением по прошествии времени проверить справедливость предсказания.

[22] Примечания: 22

Из всех светских пьес Кальдерона эта тематика наиболее полно освещена в драме «Стойкий принц». Португальский инфант Фернандо в сражении был захвачен арабами, но отказался обменять свою свободу на город, населенный христианами. Не представляя интереса для мавров, Принц лишается воли, королевских привилегий, здоровья, и, наконец, жизни. Трагический финал его земного существования трактуется Кальдероном как избавление от бремени земных забот и плотского томления. Сехизмундо в пьесе «Жизнь есть сон» идет к пробуждению другим путем.

и соучастие в бесчеловечном «эксперименте» своего господина. Однако они оба, как и Эстрелла с Астольфо, считают принца преступником, чудовищем, воплощением низменных страстей, не замечая своего собственного плена — духовного. Страдания Сехизмундо может понять только Розаура, поскольку она ощущает все последствия своего пребывания в заточении — ином, нежели у Сехизмундо, не столь явном, но не менее мучительном.

Розаура по своему характеру, темпераменту и складу мышления, конечно, не московская боярышня, а подлинная дочь знойной Испании, гордая, решительная и темпераментная. Понятие чести, столь болезненно значимое для современников Кальдерона, определяет направление жизненного пути героини и создает этический вектор, от которого она не может — и не желает — отклоняться. В отличие от женских персонажей других кальдероновских пьес — Исабели, которая жаждет лишь собственной смерти после учиненного над ней насилия[23], или доньи Менсии, которая, несмотря на свою невиновность,

[23] Примечания: 23
Героиня драмы Кальдерона «Саламейский алькальд».

не в состоянии бороться за жизнь[24] — Розаура готова мстить за нанесенную ей обиду с оружием в руках.

В соответствии со своим именем (роза)[25] героиня подобна обворожительному цветку, красота которого находится под защитой острых шипов. Однако время, в которое создавались пьесы Кальдерона, диктовало весьма строгие требования к поведению и моральному облику девушки из знатного сословия, включавшие в себя кротость, целомудрие, благочестие, безоговорочное подчинение мужчине (отцу, мужу, королю, священнику), ему же доверялась задача охранять честь благородной сеньориты или сеньоры. Чтобы отвоевать свою любовь или доброе имя, героиня должна «выйти из системы», перестать быть собой, как донья Анхела, которая превращается в привидение, чтобы общаться с возлюбленным[26], или Розаура, принимающая

---

[24] Примечания: 24

Героиня драмы Кальдерона «Врач своей чести».

[25] Примечания: 25

Имя героини можно толковать различным образом. На первый взгляд оно представляет собой перевод с латыни (rosa+aurum=золотая роза). Однако некоторые исследователи видят в нем анаграмму слова «aurors» — восходы, утренние зори, — что подчеркивает связанную с героиней надежду на обновление и начало новой жизни.

[26] Примечания: 26

Героиня комедии Кальдерона «Дама-невидимка».

мужское обличье. Мотив переодевания сближает пьесу Кальдерона с комедиями Шекспира, героини которых (Виола в «Двенадцатой ночи», Порция в «Венецианском купце», Сильвия в «Двух веронцах») притворяются юношами, чтобы вернуть свою любовь, помочь близкому человеку или просто выжить в мужском мире. В такой же функции встречается мотив переодевания в комедиях Лопе де Веги или Тирсо де Молины.

Однако эта тема, пикантная в комедии, приобретает в драме «Жизнь есть сон» трагическое звучание: меняя костюм, Розаура не обретает при этом мужских «полномочий» и возможностей, в отличие от шекспировских героинь, она по-прежнему уязвима перед лицом опасностей. Сначала она едва не погибает от руки Сехизмундо, затем Клотальдо угрожает ей казнью за проникновение в башню, во время сражения смерть следует за ней по пятам. Вернув себе женское обличье, она тоже подвергается опасностям, но уже другого рода: едва не становится жертвой необузданной страсти Сехизмундо. Как и принц, она — изгой в своем мире, виновная уже по факту рождения в женском теле. Отказавшись от привилегий своего пола (права на признание своей хрупкости, восхищения красотой), которыми наслажда-

ется ее соперница Эстрелла, Розаура не может стать и полноправным участником мужского сообщества, оказываясь в итоге между двумя мирами, вынужденно застывшая в промежуточном моменте гендерной метаморфозы; сама себя она описывает как «чудовище, соединенье двух пород» (III, 10)[27]. Подобно гиппогрифу, которого она упоминает в своей речи в самом начале пьесы, Розаура соединяет в себе противоположные, несовместимые на первый взгляд начала[28]. Своими поступками, самим фактом своего существования она ставит под сомнение незыблемость и предсказуемость мира, за которую судорожно цепляются Басилио и Клотальдо и которую в конечном итоге развенчивает Сехизмундо.

Судьбы Розауры и Сехизмундо тесно переплетены, но не соединены. Символично число их встреч в пьесе (три), как и выбранный героиней для ее придворной женской ипостаси псевдоним

---

[27] Примечания: 27

Ей вторит Сехизмундо, говоря о себе: «Хотя, чудовище для всех, / Я человек среди зверей / И дикий зверь среди людей» (I, 2).

[28] Примечания: 28

«Одежду женщины на мне // оружье мужа украшает», «и я пришла…соединяя в себе Палладу и Диану», «…как женщина склонясь, слезами // хочу твое я сердце тронуть, // и как мужчина шпагой смело/ и жизнью всей тебе служить. Когда меня ты вновь полюбишь как женщину, в защиту чести Тебя убью я как мужчина». III, 10.

— Астрея[29].

Появление Розауры в Полонии ускоряет развитие событий, одновременно придавая им непредсказуемость и динамичность. Она помогает Сехизмундо осознать и принять зыбкость границы между грезой и реальностью. Любовь к Розауре не обещает принцу счастья, но помогает встать на путь духовного пробуждения и преодоления обременявших его пороков и страстей — жестокости, властолюбия и похоти.

* * *

Педро Кальдерон написал драму «Жизнь есть сон», будучи еще относительно молодым человеком, однако она демонстрирует все признаки философской глубины и силы мысли, присущие зрелым произведениям великих авторов. Симво-

---

[29] Примечания: 29

В мифологии образ Астреи воплощал в себе сочетание целомудрия и справедливости. Овидий описывал ее как богиню, жившую среди смертных во время золотого века, но покинувшую землю с началом его упадка. В знаменитой «мессианской» эклоге Вергилия возвращение Астреи упоминается как один из признаков наступления новой, благодатной эры. Для европейцев эпохи Возрождения этот образ стал символическим и получил большое распространение в искусстве и литературе. Под этим именем английские поэты воспевали королеву Елизавету; им же озаглавлен один из самых влиятельных текстов высокого барокко — пасторальный роман французского писателя Оноре Д'Юрфе. В драматургии Кальдерона этот образ встречается более десяти раз.

лично, что писатель создал ее в том же возрасте, в котором Шекспир работал над «Гамлетом» и который Данте определил как середину земной жизни. Кальдерона ожидало еще немало творческих удач и озарений, и все же эту пьесу следует признать его главным шедевром, его неоценимым вкладом в развитие театра, литературы и философской мысли. Слова Сехизмундо «Вся наша жизнь лишь сновиденье, и сновиденья также сон» выразили не только умонастроение целой эпохи, но и одно из главных озарений, постигших человечество на пути к истине или во время ее мучительных поисков.

Жизнь есть сон

Действующие лица

Василий, царь Польский
Сигизмунд, сын его
Астольф, Московский князь
Клотальдо, старик
Кларин, слуга
Эстрелла, инфанта
Розаура, дама (боярышня)
Солдаты, придворные, слуги, стража и музыканты

Действие происходит в пустыне, в царском дворце и на поле битвы.

Действие первое

С одной стороны горные ущелья, с другой башня, в нижней части которой темница Сигизмунда; против зрителя в башне полуоткрытая дверь.

Наступает ночь.

Сцена 1-я

Розаура, в мужском костюме, на коне спускается с вершины горы; следом за нею Кларин.

Розаура

Как ветер, мчался ты, крылатый конь;
Куда теперь, о, неразумный зверь,
О, луч без пламени, без блеска птица
И рыба без чешуйных украшений,
Несешься ты, спускаешься, стремишься
К запутанному лабиринту скал?
Останься на верху горы, где звери
Тебя за Фаэтонта примут {1}. Мне
Один лишь путь дают судьбы веленья;

Другого нет; в отчаяньи слепом
Спущусь с горы я дикой и суровой,
Пред солнцем хмурящей свое чело.
Ты, Польша, принимаешь чужеземца
Неласково, записывая кровью
Его прибытье на своих песках:
При самом входе ждут его страданья.
Сказалось это и в моей судьбе.
Но, правда, кто страдальца пожалеет?

Кларин

Скажи: двоих; и, жалуясь, сеньора,
В гостинице не оставляй меня.
Ведь мы вдвоем покинули отчизну
И, подвергаясь разным приключеньям,
Вдвоем среди несчастий и безумств,
Мы прибыли сюда; вдвоем скатились
С горы; и если так, разумно ль будет
Меня лишь свесить, а не сосчитать {2}?

Розаура

Но горестей моих я не хочу

С тобой делить: а то и, сам страдая,
Ты не сумеешь мне давать советов.
О, жалобы приятны людям! Правду
Сказал философ, что готовы люди
Всегда страдать и жаловаться горько.

Кларин

Философ сей изрядный был глупец;
А дай ему кто тысячу пощечин,
Была бы в жалобах ему приятность.
Но что же будем делать мы, сеньора,
Пешком, одни, и заблудившись ночью
В уединеньи гор, когда уходит
Уже к другому горизонту солнце?

Розаура

Кто испытал столь странную судьбу?..
Но если взор виденьем не обманут,
Что создала фантазия ему,
При свете угасающего дня
Мне кажется, я вижу впереди
Строение?

Кларин

Иль лжет мое желанье,
Иль я скажу и признаки его.

Розаура

Меж голых скал я вижу дом столь низкий,
Что он едва глядеть на солнце смеет.
Искусством грубым создан этот дом,
И у подножья скал высоких камнем
Он кажется, упавшим с их вершины.

Кларин

Там подойдем; внимательный осмотр
Строенья этого не помешает;
Но лучше будет, если тот, кто в нем
Живет, великодушно примет нас.

Розаура

Открыта дверь, скажу вернее, пасть;
Из глубины ее исходит ночь.
Которая и возникает там,

(*Слышно бряцание цепей.*)

Кларин

Что слышу я, о, небо?

Розаура

Я дрожу,
Оцепенела вся, как в лихорадке.

Кларин

Должно быть, цепью узник там гремит;
Там каторжник, готов я провалиться:
Мне это ясно говорит мой страх.

Сцена 2-я

Сигизмунд (в башне), Розаура и Кларин.

Сигизмунд

О, я несчастный, о, страдалец!

Розаура

Услышала печальный голос я,
И новые в душе возникли муки.

Кларин

И новый страх возник в душе моей.

Розаура

Кларин…

Кларин

Сеньора…

Розаура

Убежим скорее
От башни; заколдована она.

Кларин

Я не могу, когда бы и хотел.

Розаура

Как в обмороке лишь биенье пульса
И сердца стук о жизни говорят,
Так здесь мерцает бледная звезда,
Печальный свет, и оттого весь дом
Еще мрачнее кажется. Темница,
Насколько можем мы судить, пред нами,
И кто-то заживо в ней погребен.
Смотри, прикрытый шкурою звериной,
Там человек, закованный в цепях;
Он фонарем едва лишь освещен.
Бежать не можем мы; а если так,
Отсюда станем слушать, что он ска-

жет

О горестях своих, узнаем, кто он.

(Дверь башни отворяется, и выходит Сигизмунд в цепях, одетый в звериную шкуру. В башне горит огонь.)

Сигизмунд

О, я несчастный, о, страдалец!
Хочу, о, Небо! я узнать,
Какое зло своим рожденьем

Тебе я сделал, если ты
Со мною так всегда сурово?
Но понимаю, я родился,
И преступление готово.
Твое жестокое решенье
Причину явную имеет:
Весь самый величайший грех
Для человека есть родиться.
Но мне хотелось бы узнать,
Чтобы мое сомненье кончить,
(Оставив в стороне теперь
Тот тяжкий грех, что я родился)

Чем мог еще я провиниться,
За что мне больше наказанье?
Другие разве не рождались?
Конечно, и они родились,
Но преимущество у них,
Которым я не наслаждаюсь.
Родится птица; перьев блеск
Дает ей высшую красу;
Но что она? Цветок из перьев,
Букет крылатый, а как быстро
Летит в эфирное пространство,
Как быстро рассекает воздух,
Гнездо спокойно покидая
И негу тихую его!
Ведь у меня побольше духа,
Так почему ж свободы меньше?
Родится зверь: с своею шкурой,

Которая вся в пестрых пятнах,
Он лишь подобье звезд небесных,
(Хвала природы мудрой кисти!)
Но голод мучит и его,
Становится он смел и жаден,

Страшит жестокостью своей,
Пустыни целой он гроза.
А я с душой гораздо лучшей
Свободу меньшую имею!
Родится рыба, что не дышит,
Ублюдок пены и травы,
И лишь она себя увидит
Корабликом из чешуи,
Как всюду плавать начинает
С такой проворностью, какую
Холодные пучины моря
Ей оставляют для движенья.
Ведь лучше разум у меня,
Но почему свободы меньше?
Из-под земли ручей пробился,
И, как серебряная змейка,
Среди цветов сверкает он,
И прелесть их он прославляет
Своим журчаньем музыкальным,
И широко открыто поле
Для бега звучного его!
Ведь больше жизни у меня,

Но почему свободы меньше?
О, как в темнице я томлюсь!

И став Вулканом или Этной,
Хотел бы из груди я вырвать
И разорвать на части сердце.
Какой закон и справедливость
И разум могут у людей
Такое право отнимать,
Такое сладостное право,
Какое дал Творец ручью,
И рыбам, и зверям, и птицам?

Розаура

И страх и жалость пробудили
В душе моей его слова.

Сигизмунд

Меня подслушивает кто-то?!
Клотальдо, ты?

Кларин

Скажи, что да.

Розаура

О, нет! Страдалец здесь (увы!).
То он в ущелии холодном
Услышал жалобы твои.

Сигизмунд

В ущельи в этом и умрешь.
О горестях моих ты знаешь;
Но ты о них не должен знать;
Ты слышал; этого довольно,
Чтоб разорвать тебя на части
Могучими руками.

Кларин

Я,

Увы! я глух, не мог я слышать.

Розаура

Коль ты от женщины рожден,
К твоим ногам упасть довольно,
И ты помилуешь меня.

Сигизмунд

Твой голос мог меня смягчить,
И я невольно уваженьем

К тебе проникся. Расскажи,
Кто ты и как сюда попал?
Немного знаю я ваш мир,
Ведь это башня колыбелью

Моей была и будет гробом;
Со дня рожденья моего
(Не знаю, счесть ли то рожденьем?)
Я вижу дикую пустыню
И в ней живу, как мертвый зверь,
Скелет, подобье человека {3}.
Хотя из всех людей доныне
Я говорил с одним, который
О всех моих страданьях знает
И от которого узнал я
Кой-что о небе и земле,
Хотя, чудовище для всех,
Я человек среди зверей
И дикий зверь среди людей,
Хотя учился обращенью
Я у зверей и птиц пустыни,
И только милых, ясных звезд
Я наблюдал круговороты {4},

Однако ты мое страданье
Обычной горечи лишил,
Ты, восхищенье глаз моих,
Восторг ушей. Ты каждый раз,
Когда взгляну я на тебя,
Меня даришь блаженством новым.
Чем больше на тебя гляжу,
Тем больше хочется смотреть;
Мои глаза больны водянкой,
Их жажда будет бесконечна,
Они погибнут от питья

И все же пьют. И я погибну
С восторгом, глядя на тебя.
Смотреть я буду и умру.
Лишаюсь сил я и не знаю,
Что станется со мною, если
Тебя не буду больше видеть?
Твой ясный взор приносит смерть,
А если ты уйдешь отсюда,
Наступит нечто хуже смерти,
Ужасней бедствий и страданий;
Наступит жизнь! Свое мученье

Могу я так определить:
Несчастному оставить жизнь —
Ведь это смерть послать счастливцу {5}.

Розаура

Смущен видением печальным,
Тебе внимаю с изумленьем.
Не знаю, что сказать тебе,
О чем спросить тебя, не знаю.
Одно скажу тебе я, узник;
Меня утешить хочет Небо,
И потому сюда в пустыню
Меня сегодня привело;
Порой слетает утешенье
К несчастному, когда он видит
Других, чье горе еще больше {6}.
Рассказывают: жил мудрец,

Он так был беден и несчастлив,
Что только травами питался,
Которые сбирал в полях.
Он раз спросил себя: найдется ль
Другой такой бедняк, как я?

И вот, когда он обернулся,
Он получил ответ, увидев,
Что сзади шел другой мудрец,
Листки смиренно подбирая,
С презреньем брошенные им.
Своей судьбою недовольный,
Жил в этом мире я, и вот,
Когда я спрашивал себя,
Другой найдется ль человек
С судьбою более жестокой,
Страдалец, ты ответил мне;
Я, поразмыслив, нахожу,
Что взял бы ты мои страданья,
Чтоб сделать их своим блаженством,
И если в чем-нибудь они
Тебе доставят облегченье,
О них внимательно послушай
И те возьми ты для себя,
Которые мне лишни. Я…

СЦЕНА 3-я *Те же, Клотальдо и Солдаты.*

Клотальдо (*за сценой*)

Заснув иль оплошав от страха,
Вы, стражи башни, пропустили
Сюда каких-то двух людей;
Они темницу отворили.

Розаура

Я еще более смущен.

Сигизмунд

Тюремщик это мой, Клотальдо.
Когда ж конец моим страданьям?

Клотальдо (*за сценой*)

Сюда скорее, чтоб они
Не приготовились к защите;
Схватите их или убейте!

Голоса (*за сценой*)

Измена!..

Кларин

Стражи башни мрачной,
Вы допустили нас пройти,
И если выбор нам позволен,
Скажу я вам: схватить нас легче {7}.

(Входят Клотальдо с пистолетом в руках и солдаты; все в масках.)

Клотальдо (*входя, солдатам*)

Вы на лицо наденьте маски;
Необходимо, чтоб никто
Нас не узнал, пока мы здесь.

Кларин

Так, значит, это маскарад?

Клотальдо
(*Розауре и Кларину*)

Вы в заповедные пределы,
Закрытые для всех людей,
Проникнули и, по незнанью,
Нарушили царя приказ,
Гласящий, чтоб никто не мог
Узнать о том, что скрыто здесь.
Свое оружье нам отдайте,

Иль пистолет, как грозный аспид,
Двух пуль жестокий яд изрыгнет
И воздух тихий и спокойный
Огнем блестящим потрясет.

Сигизмунд

Но прежде, чем обидишь их
Иль оскорбишь ты их, тиран,
Добычей будет жизнь моя
Несчастных рук моих. Клянусь
Творцом! Я разорву на части
Себя руками и зубами,
Скорей умру я среди скал,
Чем допущу погибель их,
Чем оскорбленье их оплачу.

Клотальдо

Ты, Сигизмунд, прекрасно знаешь,
Как велико твое несчастье:
Ведь прежде, чем родился ты,
Ты умер – так решило Небо.
Ты знаешь, что сия темница
Узда для гордости твоей
И колесо, которым я
Твой бег безумный направляю.
Зачем шумишь ты, это зная?

(*Солдатам.*)

Закройте дверь темницы тесной
И скройте в ней его!

Сигизмунд

О, Небо!
Как хорошо, что ты меня
Свободы сладостной лишило.
Я был бы против них гигантом,
И, чтобы стекла и кристаллы
Разбить у солнца в небесах,
Горой бы яспис положил я
На основание из скал {8}.

Клотальдо

Вот чтоб ты этого не делал,
Сегодня терпишь столько зол.

(Несколько солдат схватывают Сигизмунда и запирают его в темницу.)

СЦЕНА 4-я *Те же, без Сигизмунда.*

Розаура

Я вижу, дерзость здесь бессильна,
Безумцем быть я не хочу;

К твоим ногам повергнув жизнь,
Пощады ей прошу смиренно.
О! пожалей меня, молю.
Была бы редкая жестокость,
Когда ни гордость, ни смиренье
Тебя бы тронуть не могли.

Кларин

Когда и гордость и смиренье,
Изображения которых
Духовных драм судьбу решали
Уж много раз {9}, бессильны здесь,
То я ни гордый, ни смиренный,
А средним между них являясь,
Помилуй нас и пощади,
Молю тебя…

Клотальдо

Гей, стража!

Солдаты

Здесь мы.

Клотальдо

Оружие у них возьмите; И чтоб они не

увидали,

Куда и как отсюда выйдут, Скорей глаза им завяжите.

Розаура

Тебе я только шпагу дам,

Ведь ты начальник остальных,

А доблесть меньшим не сдается.

Кларин

А я могу отдать свою

И подлецу (отдает шпагу солдату). Бери ее {10}.

Розаура

И если должен я погибнуть.

Тебе я шпагу оставляю,

Доверясь жалости твоей;

Ее ценить высоко можешь,

Ее носил когда-то рыцарь.

Прошу тебя, храни ее.

Хотя мне тайна неизвестна,

Одно наверно знаю я:

Великие сокрыты тайны

В сем позолоченном клинке.
Надеясь только на него,
Стремился в Польшу я отмстить
За оскорбление!

Клотальдо (*в сторону*)

О, Небо!
Что это значит? Возросли
Мои страданья и смущенье.
Печаль и горести мои.

(*Розауре*):

Кто шпагу дал тебе, дитя?

Розаура

Мне женщина ее дала.

Клотальдо

Как женщину зовут?

Розаура

Не смею
Я это имя открывать.

Клотальдо

Откуда заключаешь ты,

Что в этой шпаге тайна скрыта?

Розаура

Кто дал ее мне, тот сказал:
«Отправься в Польшу; осторожно

И ловко постарайся там,
Чтоб увидали эту шпагу
Военачальники, дворяне.
Я знаю, что один из них
Тебя полюбит, защитит...»

Клотальдо (*в сторону*)

О боже правый, что я слышу?
Я даже не могу решить:
То, что случилось здесь со мною,
Действительность или мечта {11}?
Ведь эту шпагу я оставил
Моей прекрасной Виоланте
И ей сказал: «Кто с этой шпагой
В мои объятия придет,
Найдет во мне, как милый сын,
Благоволение отца».
Но что же делать мне (о горе!)

В таком ужасном затрудненье?
Ему любовь дала оружье,
Оружье смерть ему дает;
Пощады просит у меня
На смерть заране обреченный.
Какая горькая судьба!
Какой непостоянный жребий!
Что сын он мне, сказали ясно
И признаки и голос сердца;
Оно зовет его ко мне
На грудь; в ней бьет оно крылами,

Не в силах цепи разорвать.
Как человек в темнице мрачной,
На улице заслышав шум,
К окну подходит посмотреть,
Так и оно теперь, не зная,
Что здесь такое, слышит шум,
К глазам поспешно подступает,
Которые суть окна сердца,
И хочет выйти через них
В слезах горючих. Что мне делать?
Его отправить к королю?

Но это значит – смерть ему!
А скрыть такое приключенье
Я не могу, я дал присягу.
Меня любовь терзает к сыну,
Но есть и верность государю.
Но, впрочем, что я сомневаюсь?
Дороже чести, выше жизни
Должна быть верность королю.
Живи, о верность! Он погибнет.
И если я не ошибаюсь,
Он отомстить сюда пришел,
А если так, он оскорблен,
А всякий оскорбленный низок.
Нет, он не сын мой; нет моей
В нем благородной крови; нет!
Но вдруг беда случилась с ним?
От ней никто не огражден;
Работы тонкой наша честь,

Ее один поступок губит!
Ее и воздух запятнает!
И что же больше мог он сделать,
Он – крови благородной отпрыск,

Когда, опасности презрев,
Пришел сюда за честью смело?
Нет! Сын он мой; в нем кровь моя,
Великую в нем вижу доблесть.
Я в обе стороны колеблюсь,
Но лучше выбрать середину;
И так пойду я к королю,
Скажу ему: «Вот это сын мой».
Пусть он убьет его. Быть может,
Увидев, что я чести верен,
Простит он юношу; и если
Удастся мне спасти его,
Я помогу ему отмстить
За оскорбление. Но если
Король с суровостью обычной
Его на казнь отправит злую,
Погибнет он и не узнает,
Что я отец ему. (Розауре и Кларину.) Идите
Со мною вместе, чужеземцы.
Не бойтесь; горькое страданье
Не вам одним дано в удел.

Среди сомнений тяжких жить
Иль умереть, не знаю, право,
Где больше мук, где больше горя {12}!

(*Все трое уходят.*)

СЦЕНА 5-я

Зала во дворце царя. Астольф и солдаты входят с одной стороны, с другой — инфанта Эстрелла и дамы. За сценой военная музыка и приветственные клики.

Астольф

Как луч кометы, ваши очи
Огнем блистают перед нами,
И звучный им привет поют
Ручьи, органы, трубы, птицы.
И вас в глубоком изумленье
Равно приветствуют теперь
И вашу славят красоту
Одни – рожки из пестрых перьев {13},
Другие – птицы из металла {14}.
И пули, как своей царице,
Поют приветственный вам гимн,
И птицы – как Авроре; трубы

Вас воспевают, как Палладу,
Цветы – как Флору. День блистает
И гонит сумрачную ночь;
Но вы ясней, чем ясный день;
Аврора – вы в часы веселья,
Когда повсюду мир, вы – Флора,
В час грозный битвы, на войне,
Паллада вы, и вместе с этим
Царица вы души моей {15}.

Эстрелла

Когда должны согласоваться
Слова людские и дела,
То дурно поступили вы,
Сказав так вежливо и тонко.
У вас, пожалуй, отниму я
Великолепные трофеи,
Я в бой за них вступаю смело {16}.
Мне кажется, не согласить
Ту лесть, которую я слышу,
С суровостью, какую вижу.
Подумайте, ведь это низко,
Скорее свойственно зверям,

Полно обмана и измены,
Словами нежно льстить, лелеять,
А повеленьем убивать.

Астольф

Как плохо знаете вы дело,
Когда не верите вы мне;
Эстрелла, я открою вам
Мои все мысли и желанья,
Тогда поймете вы меня.
Евсторгий Третий, польский царь,
Имел троих детей; Василий
Теперь повелевает Польшей,

По праву, как его наследник.
Он дядя наш: и вы и я
Родились от его сестер;
Евсторгий – дед наш; но об этом
Я больше говорить не стану;
Оно излишне; Клорилена,
Моя синьора, ваша мать, —
Теперь она в том лучшем мире,
Под балдахином ясных звезд, —

Родилась первая, и вы
Ей дочь; вторая, ваша тетка,
Прелестнейшая Рецизунда,
Пусть жизнь ее продлит Господь!
С Московским князем повенчалась;
От брака их родился я.
К другому делу перейдем.
Василий, знаете, синьора,
Влиянью времени сдается;
Наукам больше предан он,
Чем женщинам, он овдовел,
Нет сына у него, и вы,
И я – наследники престола;
Вы потому, что дочь вы старшей
Сестры, а я, рожденный младшей,
Как муж, имею больше прав.
Мы о намереньи своем
Послали дяде извещенье;
Он отвечал нам, что согласен

Навек соединить нас с вами;
Мы день назначили и место…
С таким намереньем уехал

Я из Московии своей;
За этим я пришел сюда,
Не воевать хочу я с вами;
Стремитесь только вы к войне.
О, пусть захочет бог Амур,
Чтобы народ, астролог верный,
Не ошибался и для нас,
Предсказывая наш союз,
В котором были б вы царицей,
Царицей моего ума.
О, если бы для большей чести
Корону дядя отдал нам,
Триумф дала бы доблесть ваша,
Моя любовь бы власть дала {17}.

Эстрелла

На эти ласковые речи
Ответить лаской не хочу.
О, будь империя моей,
Она бы тотчас стала вашей.
Но все же вы неблагодарны,
И я от этого страдаю.
Мне думается, вашу ложь

Портрет, который на груди
У вас висит, невольно выдал.

Астольф

И я сейчас вас успокою
Насчет его; однако поздно:
Я слышу звуки инструмента;
Должно быть, близко государь
Со всею свитою своею.

СЦЕНА 6-я

Те же, Василий и свита.

Эстрелла

Фалес!

Астольф

Ученейший Эвклид!

Эстрелла

Ты среди звезд

Астольф

Небесных знаков
Находишься

Кальдерон де ла Барка Эстрелла

И пребываешь

Астольф

И их пути

Эстрелла

И их следы

Астольф

Описываешь

Эстрелла

Измеряешь.

Астольф

Дозволь в смирении души,

Эстрелла

Дозволь моим объятьям нежным

Астольф

Дозволь к твоим ногам склониться {18}.

Эстрелла

Плющом быть древа твоего.

Василий

Племянники, вам мой привет!
Я знаю, что и вы с любовью
Моей любви пришли навстречу.
О, верьте мне, нет человека,
Которого бы я обидел;
И вас не стану обижать я.
Я сознаю, что я согнулся
Под тяжким бременем годов,
И потому прошу смиренно
У вас молчания; потом
Настанет время изумленью,
Когда услышите рассказ
О том, что мнится невозможным.
Вы знаете, друзья мои,
Что в мире за свои познанья
Стяжал я имя мудреца.
Бессильны время и забвенье
Мне повредить, когда повсюду,
На всем земном огромном шаре
Тиманта кисть, Лизиппа мрамор
Меня давно провозгласили
Василием Великим. Все

Вы знаете, что до сих пор

Одной науке предан я,
Науке цифр и вычислений.
Нас учит каждый новый день,
Молва несет нам поученье,
Но предвосхитил я наукой
Обязанности их и право:
В своих таблицах вижу я
Все новости веков грядущих,
Все есть «теперь» в моих таблицах.
Что нового расскажет время?
Все сам могу я рассказать.
Небесный свод с его красою,
Лучами солнца освещенный
Иль озаряемый луной,
Миры бриллиантов и кристаллов,
Где звезды ласково сияют
И блещут знаки зодиака —
Вот вам предмет моих занятий
В течение многих, долгих лет;
Вот книги вам мои, в которых
На бриллиантовой бумаге

И на сапфировых страницах,
Златыми буквами, понятно
Судьбу людскую пишет Небо,
Благоприятную и злую {19}.
Так быстро их читаю я,
Что духом следую своим
За ними в быстром их движеньи,
И прямо, и на поворотах.

О, если б раньше умер я,
Небесным гневом пораженный,
Чем комментарием стал ум мой
Движенья звезд, регистром неба {20}!
Ах! кто несчастен, для того
И преимущество есть нож!
Кто Небом осужден на знанье,
Тот самого себя убийца.
И это лучше, чем я сам,
Судьба моя вам разъяснит.
У вас я вновь прошу молчанья:
Чудесен будет мой рассказ!
От Клорилены дорогой
Имел несчастного я сына;

И кажется, что все приметы,
Какие бедствием грозят,
Свершились при его рожденьи {21}.
Так, прежде чем на божий свет
Он вышел из гробницы чрева, —
Рождение подобно смерти, —
Среди видений беспокойных
Приснилось матери его,
Что зверь, по виду человек,
Ей внутренности разрывал,
И, вся в крови, она родила
Ехидну злую, человека,
И тотчас после умерла {22}.
Но вот приходит день рожденья,
И предсказанья совершились.

Как редко ложными бывают
Те предсказанья, что печальны!
Таков был сына гороскоп:
Окрашенное кровью солнце
С луной вступало в бой жестокий;
Земля была их валом темным;
Они схватиться не могли

Руками, но сражались светом.
Такого страшного затменья
Ни разу с солнцем не случалось
С тех давних пор, как смерть Христа
Оно оплакало однажды.
Земля затоплена пожаром
Была зловещего огня
И думать в ужасе могла,
Что час ее пришел последний.
Небесные затмились своды,
Дрожали зданья на земле,
Дождь каменный на землю падал,
Текли волной кровавой реки {23}.
И в этот страшный час, когда
Казалося безумным солнце,
Родился Сигизмунд и сразу
Свою природу обнаружил;
Родился он, скончалась мать,
И он, причина этой смерти,
Сказал жестокие слова:
«Я человек, и потому
Отплачиваю злом за благо».

И я в науке стал искать
Разгадку ужасов таких
И увидал, что Сигизмунд
Жестокий будет человек,
Монарх – губитель благочестья;
Добычей войн междоусобных
Из-за него вся Польша станет
И будет школою измены,
И академией пороков.
А он, безумьем увлеченный,
Среди разврата и злодейств,
Поднимет руку на меня,
И голова моя седая
Его ногам подстилкой будет.
О, горе мне! И предсказаньям
Поверил я; и как не верить
Тому, что говорит наука?
Себя мы любим и охотно
Заботимся мы о себе.
И так, предсказывало Небо
Несчастия и мне и Польше;
Решил животное смирить я,

Хотя и сам родил его,
Смирить затем, чтобы узнать,
Покорны ль звезды мудрецу?
Объявлено народу было,
Что мертвым родился наследник,
А я, обдумав осторожно,
Велел в горах построить башню,

Куда и свет едва проникнет,
И вход в которую закрыт
Громадой мрачных обелисков.
Суровые мои законы,
Тогда объявленные всем,
Чтобы никто под страхом смерти
Проникнуть в горы те не смел,
Причиною имели то,
О чем сейчас я вам сказал.
Там Сигизмунд живет поныне,
Несчастный, жалкий, в тяжком плене;
При нем находится Клотальдо,
И только он с ним говорит;
Наставник Сигизмунда он;
Он научил его наукам

И католическою верой
Ребенка душу просветил;
И только он был до сих пор
Свидетелем невольных мук
И униженья Сигизмунда.
Здесь три вопроса перед нами;
Сначала первый укажу.
Я так люблю вас, дети Польши,
Что в рабство королю-тирану
Отдам ли вас когда-нибудь?
А кто в несчастия такие
Отчизну ввергнет, государем
Великодушным быть не может.

Второй вопрос не легче будет:
Прилично ли христианину
Дитя свое тех прав лишить,
Какие и людьми и Небом
За ним быть признаны должны?
Такого нет еще закона —
Тираном быть, чтобы других
Спасать от дерзкого тирана,
Когда мы согласимся с тем,

Что будет Сигизмунд тираном.
И хорошо ли делать зло,
Другое зло предупреждая?
И, наконец, еще вопрос:
Я предсказаниям поверил,
Но хорошо ли так легко
Поверить им без колебаний?
Хотя несчастьями грозит
Характер дикий Сигизмунда,
Быть может, зло не победит!
Нам мнится, рок неумолим,
Дурны наклонности, планета
Вещает гибель, но они
Склоняют только нашу волю,
А не насилуют ее {24}.
И так колеблясь, размышляя,
Придумал наконец я средство;
И всех вас изумит оно!
Сегодня ночью Сигизмунда,

Ему не открывая раньше,
Что он мой сын и ваш король,
Я во дворец велел доставить.

Под балдахином королевским
Он на моем воссядет троне,
Повелевать он будет вами,
А вы в покорности ему
Дадите клятву. Трех вещей
Я этим способом достигну
И дам ответ на три вопроса,
Сейчас поставленные вам.
Быть может, злое предсказанье
Пустым окажется обманом,
И Сигизмунд умом и лаской
Любовь всеобщую заслужит,
И государем вашим будет
Тот, кто имеет все права,
Хотя и был он до сих пор
Товарищем зверей пустыни
И блеск придворного и ловкость
Мог показать лишь пред горами.
А если он и в самом деле
Безумный, дерзкий и жестокий,
Поводья закусив, помчится
Чрез поле мерзостных пороков,

Тогда я долг исполню свой:
Преодолев души страданья,
Лишу я Сигизмунда власти,
В темницу вновь его отправлю,

И заключенье уж не будет
Жестокостью, но наказаньем.
И, наконец, когда мой сын
Характер дикий обнаружит,
Вас всей душой любя, вассалы,
Других я дам вам королей,
Достойных скиптра и короны:
Они – племянники мои!
Соединив права обоих,
Сердца связав святыней брака,
Отдам Эстрелле и Астольфу
Корону и свои владенья.
Вполне заслуженные ими.
Все это я повелеваю,
Как государь; но, как отец,
Прошу об этом; как старик,
Даю благие вам советы,
И если правильно Сенека

Царя рабом владений назвал,
Как раб, смиренно умоляю,
Как раб, об этом вас прошу.

Астольф

Тебе ответить должен я,
Мой голос больше прав имеет;
Скажу от имени других:
Верни свободу Сигизмунду!
По праву он наследник твой.

Все

Верни свободу Сигизмунду, Его мы просим в государи.

Василий

Любезность вашу я ценю.
И вас благодарю, вассалы;
Теперь скорей идите вслед
Вы за атлантами моими {25}.
Его увидите вы завтра.

Все

Да здравствует великий царь Василий!

(Эстрелла, Астольф и свита уходят; Василий

остается один.)

СЦЕНА 7-я

Василий. Входят Клотальдо, Розаура и Кларин.

Клотальдо

Могу ль с тобой поговорить,
Великий государь?

Василий

Клотальдо,
Сюда пришел ты в добрый час!

Клотальдо

К твоим ногам склоняюсь я,
И должен, государь, склониться.
Несчастный случай! Все открыто,
Нарушен строгий твой закон,
Который стал уже привычным.

Василий

Но что случилось?

Клотальдо

Государь,
Со мной произошло несчастье,

Тогда, когда я мог считать
Себя счастливейшим из смертных.

Василий

Но что же дальше? Говори.

Клотальдо

Вот этот юноша прелестный,
Намеренно иль по ошибке,

Проник в темницу Сигизмунда,
Там принца увидал он и…

Василий

Напрасно ваше беспокойство;
Случись все это не сегодня,
Не скрою, он бы поплатился.
Но тайна всем теперь известна,
И не беда, что и ему
О ней проведать удалось.
Ко мне придите вы попозже;
Предупредить я должен вас
О многом; ваша помощь также
Нужна мне будет; да, Клотальдо,
Произойдет престранный случай,

Какого не бывало в мире;
И вы в нем будете орудьем.
Я этим пленникам прощаю,
Чтоб вы не думали, что я
Сержусь на вашу нерадивость.

(*Уходит.*)

Клотальдо

Благодарю вас, государь.

СЦЕНА 8-я

Клотальдо, Розаура и Кларин.

Клотальдо (*в сторону*)

Немного легче стало мне,
Но я, пока скрывать возможно,
Не буду говорить ему,
Что он мой сын.

(*Розауре и Кларину.*)

Свободны вы.

Розаура

Целую ноги я твои.

Кларин

А я твои стопы целую;
Различье маленькое слов
Друзьям, конечно, незаметно {26}.

Розаура

Сеньор, вы жизнь вернули мне;
На ваш я счет живу отныне,
И потому навеки буду
Рабом я вашим.

Клотальдо

Погоди!
То, что я дал тебе, не жизнь:
Кто от рожденья благороден,
Тот, оскорбленный, жить не может.
Ты говорил мне, что пришел
Сюда отмстить за оскорбленье.
Не мог тебе вернуть я жизни,
Которой ты и не имел:
Ведь жизнь позорная – не жизнь!

(*В сторону.*)

Задеть стараюсь за живое
Я самолюбие его {27}.

Розаура

Пожалуй, жизни не имею,
Хотя вернул ты мне ее;
Но отомщением жестоким
Я честь свою восстановлю;
Тогда, во что бы то ни стало,
Казаться будет жизнь моя
Твоим подарком.

Клотальдо

Меч блестящий,
Который ты мне дал, возьми.
Довольно этого меча:

Он, обагренный вражьей кровью,
Отмстит, я знаю, за обиду.
Он был в моих руках однажды,
Ведь я держал его в руках,
Хотя не очень долго, – он
Отмстить сумеет за тебя.

Розаура

Я снова опояшусь им,
И именем твоим клянусь,

Что буду мстить, хотя мой враг
Сильней меня.

Клотальдо

А он сильней?

Розаура

Он так силен, что я не смею
Его назвать перед тобою;
Не потому, чтобы боялся
Тебе открыть такую тайну;
О нет! Боюсь, что ты меня
Тогда лишишь своей защиты.

Клотальдо

Напротив, помощь от меня,
Назвав его, скорей получишь.

Когда его ты мне укажешь,
Я буду знать, что он твой враг.

(*В сторону.*)

О если бы узнать, кто он?

Розаура

Ценя доверие твое,

Я за него плачу доверьем.
Противник мой и оскорбитель
Был сам Астольф, Московский князь.

Клотальдо (*в сторону*)

Я поражен его словами!
Мое страдание тяжеле,
Чем думал я до этих пор.
Но выясним получше дело.

(*Розауре*)

Ты по рожденью москвитянин,
И твой природный государь
Едва ли мог тебя обидеть.
Ступай назад в свою отчизну
И буйный свой сдержи порыв:
К безумству он тебя ведет.

Розаура

Он государь, я это знаю,
Но мог меня он оскорбить.

Клотальдо

Не мог, когда бы даже в гневе
Тебя ударил по лицу {28}.

Розаура

Была моя обида больше.

Клотальдо

Открой мне все, не утаи;
Ведь то, что я воображаю,
Наверно более того,
Что приключилось в самом деле.

Розаура

Сказал бы я, но, ах! не знаю,
С каким глубоким уваженьем
Я на тебя смотрю! Какое
В груди моей зажглося чувство!
Как я люблю тебя и чту {29}!
С трудом промолвить я могу,
Что эта верхняя одежда —
Загадка, и тому, кто носит
Ее, она едва ль подходит.
Прошу, подумай хорошенько:
Ведь я не то, чем я кажусь,

Астольфа и Эстреллы Обида горькая и мне. Я все тебе сказала ясно. (Розаура уходит, за нею и Кларин.)

Клотальдо

Послушай, подожди, останься!
Какой возник здесь лабиринт,
В котором разум не находит
Своей руководящей нити!
Жестоко честь моя задета;
Могуч, силен мой оскорбитель,
Вассал – я, женщина – она;
Укажет небо пусть дорогу!
Хотя удастся ли, не знаю,
Когда в сей пропасти глубокой
Одна таинственность – все небо,
И чудо дивное – весь мир!

1. Обращение к коню вполне в духе того «изящного стиля» (estilo culto), который с легкой руки поэта Луиса Гонгоры (Luis de Gongora, 1561–1627) привился довольно крепко к испанской литературе; неестественные сравнения, напыщенные уподобления и происходя-

щая отсюда

неясность составляют главный признак этого явления, имеющего свои параллели почти во всех литературах XVII в. Очень многие из драм Кальдерона, и между ними «Жизнь есть сон», несвободны от этого стилистического недостатка. См. ниже, действие III, сц. 9-я, новое описание коня Розауры, которое автор влагает в уста Кларина.

2. (...оставлять в гостинице» (dejar en posada) – картинное выражение, смысл которого «покидать»; Кларин этими словами, а также и следующими указывает Розауре, что и он, страдая одинаково с нею, имеет такое же право жаловаться, как и она.

3. Название страдающего, истомленного человека «живым трупом и скелетом» у Кальдерона довольно обычно; ср. ниже, д. III, сц. 6-я, где каждый солдат назван лишь живым скелетом.

4. Т. е. изящное, правильное обращение известно мне только из правильного движения звезд. Красоту звезд Кальде-

рой прославляет и в других драмах.

5. Обычное выражение пессимизма, считающего за благо освобождение от зол жизни при помощи смерти. Вся эта тирада Сигизмунда может служить примером, как иногда неясен стиль Кальдерона.

6. В комедии «Тюремщик самого себя» (Et alcaide de si mismo) Елена, у которой убили на турнире

брата, говорит Федерико, над которым также

разразилась беда:

Твои жестокие страданья
Утешили мою печаль;
Тому, кто сам страдает тяжко,
Несчастного найти отрадно.

Действие I, сц. 2-я по изданию Кейли, т. 4, с. 373, столб. 2.

7. Трусость и грубое остроумие составляют отличительные признаки характера Кларина; ср. ниже, в этой же сцене далее, в д. III, сц. 12-я и т. д.

8. Как в древней басне, по которой ги-

ганты стали громоздить горы на горы, чтобы добраться до небес и убить Зевса.

9. В духовных драмах того времени (autos sacramentales) постоянно действуют аллегорические изображения гордости, смирения, идолопоклонства, сладострастия и других отвлеченных понятий. Понятно, что от искусства в их изображении зависел успех или неуспех известной драмы, на что и намекает Кларин.

10. Ср. выше, примеч. 7.

11. Первый намек, что в жизни нет резкой разницы между мечтой и действительностью.

12. Верность государю, забота о чести и любовь, из-за столкновения которых так часто возникает в

испанских драмах трагическое положение героя, ярко отражаются в речи Клотальдо.

13. Птицы.

14. Рожки или трубы.

15. Это напыщенное приветствие Астольфа для современного читателя является совершенно безвкусным, но у Кальдерона довольно много примеров такой речи.

16. Т. е. мне легко показать, что ваше пышное приветствие только ложь и вашим истинным чувствам не соответствует.

17. Т. е., вероятно, моя любовь даст вам власть над моей душою.

18. Подобные разговоры двух лиц, постоянно прерывающих друг друга, не редкость в поэзии Кальдерона.

19. Одним словом, Василий занимается астрологией.

20. Прозаическое, но чрезвычайно смелое сравнение.

21. Ср. след. место из Montesquieu, Lettres persanes (письмо XXXIX): Il me semble, ben Josue, qu'il y a tonjours des signes eclatants, qui preparent a la naissance des hommes extraordinaires; comme si la nature souffrait une espece de crise et que la puissance celeste ne produisit qu' avec

effort.

22. В древности и в Средние века полагали, что рождение ехидны влекло за собой неминуемую смерть ее матери. Ср. у Пруденция, Hamartigenia, ст. 580–606, и многие места в пьесах Кальдерона.

23. Ср. Евангелие от Матфея, гл. 27, с. 45–52, рассказ о знамениях, бывших при смерти Иисуса Христа.

24. Убеждение в силе и свободе человеческого духа, сближающее Кальдерона с Софоклом; ср. знаменитый хор из «Антигоны», начинающийся словами: «Много могучего в свете, но что человека могучей?»

25. Под этими атлантами Василий подразумевает Астольфа и Эстреллу, надежду и опору польского трона.

26. В подлиннике непереводимая игра слов: _Ros_. tus pies beso; _Clar. _y yo los piso. Т. е. целую твои ноги, а я попираю следы их, ставлю свои ноги на след твоих.

27. Мы говорили в предисловии, как рев-

ниво оберегали испанцы свою честь от малейшего оскорбления; человек оскорбленный, по их мнению, не имел права жить, пока не смывал кровью своего оскорбления.

28. Король – особа священная и никоим образом не может оскорбить своего подданного.

29. Любовь и уважение к отцу, основываясь на голосе крови, невольно возникают в детях; на этой мысли основана драма Кальдерона «Las tres justicias en ипа».

Действие второе

Зал во дворце Василия.

Сцена 1-я

Василий и Клотальдо.

Клотальдо

Все я исполнил, государь,
Как ты приказывал.

Василий

Клотальдо,
Как было дело, расскажи.

Клотальдо

Происходило дело так.
С успокоительным питьем,
По приказанью твоему,
Составленным из трав различных,
Смешав еще такие травы,
Которые имеют силу,

Упорно, хоть и незаметно,
Рассудок мощный человека
И ослаблять, и оглушать,
И делать, чувства убивая,
Из человека труп живой…
(Зачем доказывать, что это
Возможно, если столько раз
Доказывал возможность опыт?
И, несомненно, медицина
Полна природных, чудных тайн,
И нет растенья, камня, зверя,
Чтобы таинственного свойства
В нем не было хоть одного!
И если злоба человека
Уж тысячи открыла ядов
Смертельных, надо ль удивляться,
Что усыпляющий есть яд,
Который действует слабее,
Есть и губительный состав,
Смерть приносящий без пощады?
Давно доказано все это
И опытом и размышленьем.)

Мое питье составил я
Из опия и белены,
К нему дурмана сок прибавив;
И с чашей к Сигизмунду я
Спустился в мрачную темницу.
Здесь повели мы разговор
О человеческих науках;
Хотя немного он учился
И красноречье изучал
В пустыне у зверей и птиц,
Однако многое открыла
Его широкому уму
Безмолвная природа скал,
Небес безмолвная природа!
Его желая приготовить
К тому, что замышляешь ты,
И гордость духа возбудить,
Как бы случайно указал я
Ему на горного орла,
Который, ветер презирая,
Как грозной молнии стрела
Или свободная комета,

Вздымался в верхние пределы.
И Сигизмунду я сказал,
Полет свободный восхваляя:
«Орел могучий – царь пернатых,
И потому под облаками
Над всеми гордо он вознесся».
Довольно было этих слов:
За мысль мою схватился он,
И о величии царей
Высокомерно рассуждать
Он начал; нам понять не трудно,
Что в самом деле кровь его
К великим подвигам зовет,
Волнуясь и играя в нем.
Он говорил: «Смотри, Клотальдо,
И в беспокойном царстве птиц
Слабейшие могучим птицам
В повиновении клянутся.
Утешен я в своем несчастьи,
Когда подумаю об этом:
Я подчинен, но только силой
Меня принудили к тому,

А добровольно человеку
Не сдался бы я ни за что!»
Из этих слов увидел я,
Что в нем проснулся гнев обычный
На горький плен и заключенье;
Тогда ему я подал кубок
С успокоительным питьем,
И лишь из чаши в грудь его
Проник напиток, Сигизмунд
Глубокому предался сну,
И пот холодный у него
По членам разлился и жилам…
И если б не было известно,
Что это мнимая лишь смерть,
Легко бы всякий мог подумать,
Что в самом деле умер принц.
Приходят в это время люди,
Которым ты доверил дело,
Берут его с собой в карету
И во дворец к тебе везут,
Где приготовлены тобою
Ему величие и блеск,

Вполне достойные его.
И здесь его в твоей постели
Они кладут, чтобы потом,
Когда минует летаргия,
Ему служить, как ты велишь.
И если я повиновеньем
Себе награду заслужил,
(Прости мою неосторожность!)
Скажи, зачем ты во дворец
Так удивительно и странно
Велел доставить Сигизмунда?

Василий

Твое сомненье справедливо,
Клотальдо, и тебе охотно
Я дело разъясню теперь.
Ты знаешь сам, что Сигизмунду
Влияние звезды враждебной
Несчастиями угрожает
И множеством страданий тяжких.
И вот узнать я захотел,
Правдиво ль Неба предсказанье?
Дало немало указаний

Оно суровости своей;
Но, может быть, оно смягчится,
Свою жестокость уменьшит
И, доблестью благоразумья
Побеждено, изменит жребий?
Ведь человек сильнее звезд!
Все это я хочу узнать.
Кто он, скажу я Сигизмунду.
И пусть тогда покажет он
Свои наклонности и разум.
И если он звезды влиянье
Великодушьем победит,
Он будет царствовать; но если
Тираном будет и злодеем,
Его верну к цепям обратно.
Теперь я знаю, спросишь ты:
Чтобы проделать этот опыт,
Зачем сюда он привезен
В забвении глубоком сна?
И это разъясню тебе,
Поймешь из моего ответа.
Когда сегодня он узнает,

Что он мой сын, а завтра утром
Себя в темнице вновь увидит,
Конечно, жалкий жребий свой
В отчаяньи проклянет он!
Чем, как себя тогда утешит
И что в замену прав получит,
Прав на корону и престол?
Оставить надо дверь открытой
На случай горькой неудачи!
Ему ты скажешь: «Сигизмунд,
Все, что ты видел в эту ночь,
Лишь сновидение и греза».
Мы двух вещей достигнем так.
Во-первых, ближе мы узнаем
Его наклонности и чувства:
Проснувшись, будет поступать он,
Как вздумает и как захочет;
А во-вторых, его утешим:
Сегодня, правда, во дворце
Все повинуются ему,
Но завтра он в своей темнице,
Припоминая день минувший,

Поймет, что только грезил он;
И хорошо, когда поймет:
Ведь в этом мире все, Клотальдо,
Все, кто живет, лишь спят и грезят[30].

Клотальдо

Легко бы мог я доказать,
Что не годится этот план;
Но поздно, дела не поправишь:
Насколько можем мы судить,
Проснулся он и к нам идет.

Василий

Теперь я должен удалиться.
Ты принца воспитал, Клотальдо,
И потому останься с ним
И среди стольких затруднений,
Что окружили мысль его,
Ему ты истину откроешь.

Клотальдо

Ты позволенье мне даешь

---

[30] Примечания: 30
Вполне ясное выражение основной мысли пьесы.

Все рассказать ему?

Василий

Конечно;
Когда опасность знаем мы,
Нам легче победить ее. (Уходит.)

Сцена 2-я

Клотальдо и Кларин.

Кларин (*в сторону*)

Четыре палочных удара!
Я заплатил за право входа!
Какой-то рыжий гренадер,
Уж больно важный, алебардой
Мне отсчитал удары эти.
За них я кой-что здесь увижу;
Нет, правда, лучшего окошка,
Как то, которое с собою,
Без разрешения кассира,
Повсюду носит человек;
Когда его со всех празднеств
Прочь гонят, все же он садится

У своего окошка смело[31].

Клотальдо (*в сторону*)

А это, кажется, Кларин,
Слуга той женщины несчастной,
Которая, торгуя горем,
Сюда позор мой привезла.

(*Кларину.*)

Кларин, что нового?

Кларин

Сеньор,
А вот что нового; во-первых,
Как милосердный человек,
Вчера вы помощь обещали
Моей сеньоре Розауре
И дали ей совет одеться,
Как подобает… в женском платье.

Клотальдо

---

[31] Примечания: 31

Под своим окошком Кларин подразумевает свои глаза; в эпоху Кальдерона представления давались на дворе, находившемся между несколькими домами, так что окна этих домов, выходившие на двор, представляли весьма удобное место для зрителя; Кларин говорит, что ему не надо покупать билета, чтобы смотреть из окошка.

Я думаю, что сохранить
Стыдливость в женском платье легче.

Кларин

Затем, по вашему совету,
Племянницей назвавшись вашей,
Она переменила имя
И так возвысилась теперь,
Что во дворце живет она,
Как дама ближняя Эстреллы.

Клотальдо

Да, мне весьма приятно сразу
Взять под защиту честь ее.

Кларин

Она полна одной надеждой.
Что, если час придет удобный,
Ты вступишься за честь ее.

Клотальдо

Надежда эта не обманет:
В конце концов наступит время
И кончит трудные дела.

Кларин

Она теперь живет в почете,
Все, как царице, служат ей
За то, что ей Клотальдо – дядя.
А я приехал вместе с нею
И вот от голода чуть жив!
И обо мне никто не вспомнит,
Забыв, что я, Кларин – рожок[32]*;*
Когда ж такой рожок затрубит,
Он все сумеет рассказать
Царю, Астольфу и Эстрелле.
Кларин – рожок, Кларин – слуга!
Сознайся сам: ведь тут все вещи,
Что плохо берегут секрет.
И если я молчать не стану,
Петь будут песню обо мне:
Рожок, зарю нам возвестивший,
Не лучше пел.

Клотальдо

Сознаюсь, жалобы твои

---

[32] Примечания: 32
Кларин (Clarin) по-испански значит «рожок».

Довольно правильны; охотно
Могу тебе я пособить,
А ты во всем мне повинуйся.

Кларин

Смотрите, Сигизмунд идет.

Сцена 3-я

Музыка и пение. Слуги стараются одеть Сигизмунда, который выходит в большом волнении. Клотальдо и Кларин.

Сигизмунд

О, боже, боже, что я вижу?
На что смотрю? Что предо мною?
Всему без страха удивляюсь,
И все ж душа полна сомненья!
Я во дворце великолепном!
В одежде шелковой, в парче!
Вокруг меня толпятся слуги,
И как одеты, как ловки!
На ложе пышном и богатом
От сна я пробудился здесь!

Едва проснулся я, как слуги
Бегут помочь мне одеваться.
Сказать, что этот сон – неправда?
Но знаю я, что я не сплю.
И разве я не Сигизмунд?
Открой, о небо, мне обман!
Скажи мне, что во время сна
С моей фантазией случилось?
Но для чего я рассуждаю?
Пусть будет то, что быть должно,
И что бы ни было со мною,
Пускай мне служит все равно[33]*!*

1-й придворный

О, как задумчив Сигизмунд!

2-й придворный

Найдет на всякого сомненье,
Когда случится то же с ним.

Кларин

А я не стал бы сомневаться!

---

[33] Примечания: 33

См. подобные сцены пробуждения в комедии «El Alcaide de si mismo» у Keil'я, т. IV, с. 380 б. и 388 а.

2-й придворный

Поди и с ним поговори.

1-й придворный (*Сигизмунду*)

Возобновить прикажешь пенье?

Сигизмунд

Я больше пенья не хочу.

1-й придворный

Ты так задумчив; я хотел
Тебя развлечь.

Сигизмунд

Но этим пеньем
Не разогнать моей тоски.
Одна музыка боевая
Приятна слуху моему.

Клотальдо

Великий государь, позвольте
Поцеловать мне вашу руку.
Вам первый повинуюсь я.

Сигизмунд (*в сторону*)

Клотальдо?! Он. Но почему

Он так жесток со мной в темнице,
А здесь почтителен и вежлив?
Что происходит здесь со мною?

Клотальдо

Я вижу, новость положенья
Тебя в смущенье повергает,
И тысячи сомнений разных
Дорогу в разум твой проложат;
А я хочу тебя от них
Освободить, когда возможно.
Узнай, о государь, что ты
Великой Польши принц наследный.
А если жил ты до сих пор
В уединении печальном,
Такой жестокости причина —
Страх пред враждебною фортуной.
Она грозила государству
Жестокой гибелью, когда
Твой лоб высокий увенчает
Венец достойный, гордый лавр.
Но полагая, что ты можешь
Свою печальную судьбу

Великодушьем одолеть, —
И, правда, муж великодушный
Сумеет звезды победить, —
Из башни той, в которой жил ты,
Сюда в отцовские палаты
Тебя вчера мы привезли
В то время, как был предан сну
Твой дух. Отец твой, мой король,
Придет сюда, и от него
Побольше, верно, ты узнаешь.

Сигизмунд

И что еще мне нужно знать,
Презренный, низкий ты изменник,
Когда я знаю, кто такой я?
Могу сегодня показать
Свое могущество и силу!
Как смел отечеству так дерзко
Ты изменять, меня скрывая,
И, нарушая все законы,
В противность разуму и праву,
Меня лишать того, что было
Всегда моим?

Клотальдо

О, горе мне!

Сигизмунд

Ты был изменником закону,
Ты государя обманул,
Со мною же ты был жесток!
Итак, закон, король и я —
За столько тяжких преступлений
Тебя на смерть мы осуждаем:
От рук моих умрешь!

2-й придворный

Ах, принц!

Сигизмунд

Никто мне не мешай. Напрасно!
Клянусь Творцом, что, если вы
Вперед тут будете соваться,
Вас за окошко брошу я.

2-й придворный

Беги, Клотальдо!

Клотальдо

Принц несчастный!
Ты гордости сдержать не хочешь,
Не зная, что, быть может, спишь!

(*Уходит.*)

2-й придворный

Послушай!

Сигизмунд

Прочь отсюда!

2-й придворный

Он
Повиновался государю.

Сигизмунд

Но в том, что правду нарушает,
Царю нельзя повиноваться.
Да кроме этого, и я
Был государем для Клотальдо.

2-й придворный

Не мог Клотальдо рассуждать,
То было хорошо иль дурно!

Сигизмунд

А вы все спорите со мною;
Куда как вежливо! смотрите!

Кларин

Принц превосходно говорит,
А вы все дурно поступали.

2-й придворный

Но кто вам право дал судить?

Кларин

Да сам я взял его.

Сигизмунд

Ты кто?

Кларин

Я в это дело нос свой сунул,
И в нем легко я стал судьей;
Я величайшее ничто,
Какое только было в мире!

Сигизмунд

Ты только в этом новом мире
Приятное мне сделал.

Кларин

Я,
О государь, большой поклонник
Всех Сигизмундов; верьте мне.

Сцена 4-я

Те же и Астольф. Музыка.

Астольф

Трикраты счастлив этот день:
Сегодня вы явились Польше,
Как солнце ясное, мой принц,
И блеском радости и счастья,
Как пурпурным зари сияньем,
Вы осветили наше небо:
Ведь вы, как ласковое солнце,
Из лона гор сюда явились.
Привет вам, принц; и если поздно
Лавр ваше увенчал чело,
То пусть он поздно и завянет.

Сигизмунд

Храни вас Бог.

Астольф

Одно незнанье,
Кто я такой, вас извиняет
За недостаточный привет.
Я – князь Московский; я – Астольф,
А вам – двоюродный я брат.
И должно нам хранить равенство!

Сигизмунд

Я вам сказал: храни вас Бог!
Вам этого привета мало?
Вы славою своей гордитесь?
Пеняйте сами на себя;
Когда мы вновь сойдемся с вами,
Я вам скажу: пусть не хранит
Вас Бог!

2-й придворный (*Астольфу*)

Вы, государь, поймете,
Что он, воспитанный в горах,
Так обращается со всеми,

(*Сигизмунду.*)

Но преимущество Астольфа…

Сигизмунд

Мне было неприятно слышать
Такие пышные слова,
И далее надел он шляпу,
Как только подошел ко мне.

2-й придворный

Он гранд.

Сигизмунд

А я важней его[34].

2-й придворный

Должны вы оба относиться
Друг к другу с большим уваженьем,
Чем к остальным.

Сигизмунд

Скажите мне,
Чего суетесь вы сюда?

---

[34] Примечания: 34

Испанские гранды имели право в присутствии короля надевать шляпу; этим правом придворный думает оправдать Астольфа в глазах Сигизмунда, но С. не понимает специального значения выражения «es grande», полагая, что придворный указывает просто на важный сан Астольфа, и в ответ на это замечает, что он еще важней Астольфа. В подлиннике игра слов.

Сцена 5-я

Те же и Эстрелла.

Эстрелла

Благословляю ваш приход,
О, благородный принц, под сень,
Где с радостью вас принимают
И все вам шлют привет любви.
И здесь в кругу друзей, не зная
Несчастий, принц, живите вы,
Блистая славой и величьем,
И пусть считается веками,
А не годами ваша жизнь.

Сигизмунд (*Кларину*)

Скажи ты мне теперь, кто эта
Великолепная краса?
Она не смертная – богиня,
К ногам которой небеса
Свой блеск склоняют. Кто она?

Кларин

Она твоя сестра Эстрелла.

Сигизмунд

Ты лучше бы сказал, что солнце[35].

(*Эстрелле.*)

Желаете вы счастья мне;
Похвально это пожеланье!
Но счастье в том лишь для меня,
Что вижу вас: и вот, имея
То незаслуженное счастье,
Я за благое пожеланье
Благодарю вас; вы одна,
Как день, сияете, и в силах
Блистанье радостное дать
И так прекрасному светилу.
Зачем же солнце в небе светит,
Когда с зарею встали вы?
О, дайте вашу руку мне!
Хочу ее поцеловать;
Из этой чаши белоснежной

---

[35] Примечания: 35

Estrella по-испански значит «звезда»; но, по мнению Сигизмунда, Эстрелла так прелестна, что ее можно назвать солнцем.

Пьет воздух белизну свою[36].

Эстрелла

Повежливее будьте, принц.

Астольф (*в сторону*)

Когда ее он руку схватит,
Погиб я…

2-й придворный (*в сторону*)

Знаю, неприятен
Астольфу будет поцелуй.
Не допущу я Сигизмунда.

(*Сигизмунду.*)

Подумай, государь, едва ли
Прилично это, и Астольф…

Сигизмунд

Я вам уже сказал: отстаньте.
Какое дело вам, сеньор?

2-й придворный

Я вам заметил справедливо.

---

[36] Примечания: 36

Эти комплименты в устах грубого Сигизмунда кажутся довольно неуместными.

Сигизмунд

Но это все противно мне,
А если что противно мне,
То уж никак не справедливо.

2-й придворный

Однако слышал, государь,
Я от тебя, что справедливо
Повиноваться и служить.

Сигизмунд

Вы также слышали, конечно:
Кто будет мне надоедать,
Того я выброшу в окошко.

2-й придворный

Со мной нельзя так поступать!

Сигизмунд

Нельзя? Клянусь Творцом, сейчас же
Обратное я докажу.

(Схватывает придворного и уходит; все спешат за ним, но он немедленно возвращается.)

Астольф

Что вижу я?

Эстрелла

Скорей на помощь! Освободите вы его.

Сигизмунд

Он в море вылетел с балкона;
Хвала Творцу, что удалось!

Астольф

Обдумывать бы не мешало
Побольше вам свои поступки;
Далеко зверю до людей,
И до дворца горе далеко.

Сигизмунд

Как вы горды, высокомерны!
Но лучше бы умолкнуть вам,
А то, пожалуй, не сыскать
Вам головы своей, покрытой
Столь изукрашенною шляпой.

(*Астольф уходит.*)

Сцена 6-я

Те же и Василий.

Василий

Что здесь случилось?

Сигизмунд

Ничего.
Мне тут один надоедал,
И я его с балкона сбросил.

Кларин (*Сигизмунду*)

Заметь, что это сам король.

Василий

Едва пришел ты к нам, и вот
Ты уж убийца человека!..

Сигизмунд

Он мне сказал, что невозможно,
А я… я выиграл пари.

Василий

Мне тяжело в тебе увидеть

Жестокий и строптивый нрав.
Я думал, что найду тебя,
Преодолевшим звезд влиянье,
Владыкою судьбы своей
И поступающим разумно!
И что же? Первый твой поступок —
Убийство злое человека.
Могу ль тебя обнять с любовью,
Когда я знаю, что сейчас
Ты руки кровью обагрил?
Когда мы видим меч блестящий,
Смертельную нанесший рану,
Ужель бесстрашно и спокойно
Смотреть мы станем на него?
И кто из нас не содрогнется,
Увидев место, на котором
Сейчас убили человека?
Мы, люди, все страшимся смерти,
И самый смелый человек
Предел наш общий не преступит.
В твоих руках орудье смерти
Я вижу, кровь я вижу здесь

И отступаю от тебя,
Хотя желал тебя с любовью,
Как сына милого, обнять.
Теперь же должен уходить
Без этого: тебя боюсь я!..

Сигизмунд

Твои объятья мне не нужны,
Я обходился и без них:
Отец, который так жестоко
Мог с сыном поступать своим,
Его воспитывать, как зверя,
И, как чудовище, держать
И замышлять на жизнь его,
В объятьях сыну отказал!..
Объятия отца такого
Кому нужны? Кому приятны?
Меня не хочешь ты обнять?
Как мало в этом мне обиды!
И я не удивляюсь даже:
Кто самый образ человека
У сына мог отнять, легко
Ему откажет и в объятьях!

Василий

О, если б образа людского
Тебе я не дал! Горе мне!
Тогда бы дерзких слов не слышал
И оскорблений от тебя!

Сигизмунд

Когда бы ты его мне не дал,
Не слышал бы моих упреков!
Ты дал; тебя я упрекаю
За то, что отнял ты его.
Давать – прекрасно, благородно;
Но отнимать, что раз дано,
Какая низость и позор!

Василий

Вчера бедняк и жалкий пленник,
Царевичем ты стал сегодня
По приказанью моему;
И так меня благодаришь!

Сигизмунд

Тебя благодарить за это?
Тиран души моей свободной,

Уж близок час твоей кончины,
И, умирая, что ты можешь
Мне дать? Не более того,
Что мне и так принадлежит!
Ты мой отец, ты мой король,
И потому твой сан и власть
Ко мне по праву перейдут.
Тебе ничем я не обязан.
Могу лишь требовать расплаты
За то, что долго ты лишал
Меня свободы, чести, жизни.
Но я не требую ее,
И мне приятнее сознанье,
Что ты должник мой.

Василий

Дерзкий варвар!
Ты предо всеми доказал,
Что небо правду говорило:
Высокомерен ты и горд.
Теперь ты знаешь, чей ты сын;
Открыта истина тебе.
Себя ты видишь во дворце,

Среди всеобщего почтенья;
Но я прошу тебя, послушай
Мои слова предупрежденья
И будь душой смирен и скромен!
Ведь, может быть, ты спишь и грезишь,
Хотя и кажется тебе,
Что это все не сон, а правда.

(*Уходит.*)

Сигизмунд

Мне кажется, что это правда,
А между тем я сплю и грежу?!
О нет! Не сплю, конечно, я;
Я понимаю, что я был
И что теперь! Я знаю, кто я.
Напрасны все твои старанья:
Уж невозможно уничтожить
Прав Сигизмунда на престол.
И если ты до этих пор
Меня держал в темнице мрачной,
То потому лишь, что не знал я,
Какие я права имею!

Теперь открылся твой обман;
Теперь я знаю, что во мне
Слилися зверь и человек[37].

Сцена 7-я

Те же и Розаура (в женской одежде).

Розаура (*в сторону*)

Эстреллу здесь я думала найти,
Но встретиться с Астольфом я боюсь:
Астольф меня не должен узнавать.
Так, по словам Клотальдо, будет луч-ше
И так скорее честь восстановлю я.
Клотальдо доверяюсь я вполне:
Он под защиту взял и жизнь мою и честь.

Кларин (*Сигизмунду*)

---

[37] Примечания: 37

И следовательно, Василий, который, не обращая внимания на лучшую, человеческую сторону существа С., держащего его, как зверя, должен приготовиться к тому, что и Сигизмунд будет поступать с ним, как зверь. Таков, вероятно, смысл этого странного выражения: Yo soy un compuesto de hombre y fiera.

Конечно, удивлялись вы
Здесь многому и многим поражались,
Но что же вам понравилося больше?

Сигизмунд

Я ничему не удивился здесь:
Все это предугадывал я раньше.
Один предмет достоин изумленья,
Лишь пред одним склониться можно в мире:
И тот предмет есть женщин красота!
Мужчина малый мир, и потому
Творцу обязан более служить,
Чем женщина, – так в книгах я прочел.
Но мнится мне, что это дело женщин:
Их красота есть маленькое небо!
Далеко до небес земле ничтожной!
Пред женщиной какая в нас краса?
Они прелестны, но прелестней всех
Красавица, которая пред нами.

Розаура (*в сторону*)

Здесь принц; мне лучше будет удалиться.

Сигизмунд

Постой, красавица; меня послушай!
Зачем восток соединять с закатом,
Зачем бежишь ты сразу от меня?
Ведь если мы соединим восток
С закатом солнца, свет с холодным мраком,
То сократится день; в том нет сомненья.
(В сторону.) Но что я вижу?

Розаура (*в сторону*)

Я полна сомненья,
Но верить я должна тому, что вижу.

Сигизмунд (*в сторону*)

Красавицу я эту где-то видел.

Розаура (*в сторону*)

Мне кажется, что в мрачном заключеньи,
Без пышности и блеска Сигизмунда
Я видела.

Сигизмунд (*в сторону*)

Нашел я жизнь свою!

(*Розауре.*)

О, женщина! Ты знаешь: это имя
В устах мужчины лучшая хвала[38].
Душа моя стремится обожать
Твою красу, не ведая, кто ты?
С тобою мы встречались, я уверен,
И я твои черты отлично знаю.
Откройся мне.

Розаура (*в сторону*)

Придется Сигизмунда
Уловкою невинной обмануть.

(*Сигизмунду.*)

Я фрейлина несчастная Эстреллы.

Сигизмунд

Себя ты лучше солнцем назови,
А та звезда живет в твоем сияньи,
И блеск ее твои лучи рождают.

---

[38] Примечания: 38

Ср. известное стихотворение Вальтера фон дер Фогельвейде: Wip daz muoz iemer sin der wibe hohste name, т. е. женщина — это лучшее название для женщины.

Среди цветов, в их царстве ароматном
Царицей божество прекрасной розы
Над всеми возносилось: там она,
Как лучшая, была императрицей.
Где драгоценные блистают камни,
В собрании ученом их богатств,
Алмаз был императором над всеми.
В прекрасном хоре беспокойных звезд
Звезда Венеры ярче всех сияла.
И там, где солнце, в сферах совершенства,
Вокруг себя планеты собирает,
Царит оно, великий дня оракул.
Среди цветов и камней драгоценных,
Планет и звезд и знаков зодиака
Владычествует то, что лучше всех;
Так почему же меньшей красоте
Лишь ты покорствуешь, хотя ты лучше,
Прекрасней всех, ты солнце и алмаз,
Звезда Венеры, розы аромат.

Сцена 8-я

Те же и Клотальдо, незаметно для других.

Клотальдо (*в сторону*)

Хочу я образумить Сигизмунда:
Ведь все же я воспитывал его.
Но что я вижу тут?

Розаура

Благодарю
Вас, Государь, за ласковые речи;
Пусть риторически мое молчанье
Ответит вам: ведь если разум слаб,
То лучше, без сомненья, отвечает
Тот, кто молчит искуснее.

Сигизмунд

Останься!
Ты, значит, мне загадку разгадать
Не хочешь[39]*?*

---

[39] Примечания: 39

Т. е. не хочешь объяснить мне, кто ты и как из пустыни, где я видел тебя, попала сюда?

Розаура

Я прошу вас, Государь,
Позвольте мне уйти.

Сигизмунд

Зачем ты просишь?
Без просьбы позволенье ты берешь:
Решительно ты хочешь удалиться.

Розаура

Когда не дашь ты позволенья мне,
Надеюсь, что сама его возьму.

Сигизмунд

Дождешься ты, что стану грубияном
С тобою я, хоть вежлив был покуда;
Пойми: мое терпение не вечно,
И для него жестокий яд – упорство.

Розаура

И если яд, который пробуждает
Безумство, гнев и злобу в человеке,
Твое терпенье сможет одолеть,
Другая есть защита у меня:

Ты женщину не можешь оскорбить.

Сигизмунд

Вот, чтобы увидать, могу ли я,
Твою красу подвергну испытаньям.
Препятствия люблю я побеждать;
То, что другим казалось невозможным,
Сегодня сделал я, с балкона сбросив
В морские волны человека; он
Мне с гордостью пред всеми говорил,
Что этого с ним сделать не придется.
Теперь хочу другое я узнать:
Смогу ль твою невинность за окошко
Я выбросить?

Клотальдо (*в сторону*)

Как он разгорячился!
Но что мне делать, если честь свою
В опасности вторично вижу я?

Розаура

Да, не напрасно было предсказанье
Стране несчастной этой, что с тобою

Придут грехи, измена, гнев и смерть.
Но правда, что и делать человеку,
Имеющему только это имя,
Бесчувственному, дерзкому и злому, —
Тирану, варвару и гордецу,
Среди зверей воспитанному!

Сигизмунд

Право,
С тобою вежлив, кажется, я был;
Мне оскорблений слушать не хотелось,
И думал я, что вежливою речью
На вежливость тебя я вызывал.
Но ты меня злодеем называешь;
Клянусь Творцом! За это мне ответишь.
Гей! слуги! Нас одних оставить здесь.
Заприте дверь, и пусть никто не входит.

(*Слуги и Кларин уходят.*)

Розаура (*в сторону*)

Погибла я!

(*Сигизмунду.*)

Послушай…

Сигизмунд

Я тиран,
Меня напрасно убеждать ты хочешь.

Клотальдо (*в сторону*)

Какой ужасный случай!
Должен я
Безумное желанье удержать,
Хотя бы это стоило мне жизни.

(*Сигизмунду.*)

Подумай, государь!

Сигизмунд

Опять ты здесь?
Ты снова хочешь рассердить меня,
Старик, безумный, дряхлый? Неужели
Так мало гнева моего страшишься,
Что вновь сюда осмелился войти?

Клотальдо

Я подошел, услышав крики здесь,

Сказать тебе: смиряй жестокий нрав,
Когда ты хочешь царствовать над нами,
И, повелителем себя увидев,
Не будь жесток, ведь это все, быть может,
Лишь сон и греза.

Сигизмунд

Ах, как мне досадно,
Когда ты начинаешь говорить,
Что это сон, обман и заблужденье.
Убив тебя, узнаю я наверно,
Действительность ли это или сон?

(Хочет вынуть шпагу из ножен; Клотальдо удерживает его, становясь на колени.)

Клотальдо

Я так надеюсь жизнь свою спасти.

Сигизмунд

Прочь руку дерзкую с меча!

Клотальдо

Пока сюда не прибежит народ

Сдержать твой гнев и дикую досаду,

Я твоего меча не отпущу.

Розаура

О, боже!

Сигизмунд

Отпусти сейчас, старик,

Безумный, дряхлый, варвар, враг мой, или

Тебя я задушу. (Борются.)

Розаура

Сюда скорее!

На помощь! Хочет он убить Клотальдо!

(Убегает. Клотальдо падает; входит Астольф и становится между дерущимися.)

Сцена 9-я

Сигизмунд, Клотальдо и Астольф.

Астольф

Что здесь случилось, благородный

принц?
Ужели шпага ваша оросится
Холодной кровью старика? Вложите
Свой славный меч в ножны.

Сигизмунд

Да, я вложу,
Когда он этой кровью обагрится.

Астольф

Но жизнь его прибежище свое
Нашла у ног моих, и послужу
Я кое в чем ему.

Сигизмунд

С ним умереть
Готовься ты. Убив тебя, отмщу
За оскорбление твое.

Астольф

Я защищаю жизнь свою и, значит,
Величества не оскорбляю.

(*Астольф обнажает шпагу, и они дерутся.*)

Клотальдо

Не оскорбляй его, о, государь!

Сцена 10-я

Те же. Василий. Эстрелла и свита.

Василий

Зачем обнажены здесь шпаги?

Эстрелла

Ах!
О, горе мне! Астольфа вижу здесь!

Василий

Что здесь случилось?

Астольф

Ничего, когда
Сюда пришел ты, государь.

Сигизмунд

Конечно,
Здесь не случилось ничего, хотя
Ты и пришел сюда; убить хотел я
Клотальдо.

Василий

Оскорбить его седины?!

Клотальдо

Не забывайте, государь, они мои,
И это все не значит ничего.

Сигизмунд

Желать безумно, чтобы уважал
Я седины! Быть может, и твои
Когда-нибудь у ног своих увижу;
Ведь я еще не отплатил тебе
За воспитание мое. (Уходит.)

Василий

Но прежде,
Чем ты увидишь это, ты заснешь
И, пробудясь от сна, поймешь, что все,
С тобой случившееся здесь сегодня,
Как в мире бывшее, есть только сон!

(*Василий, Клотальдо и свита уходят.*)

Сцена 11-я

Эстрелла и Астольф.

Астольф

Как редко, редко лжет судьба,
Когда предсказывает горе,
И, как сомнительна для счастья,
Так для несчастия верна.
Каким искусным астрологом
Она была бы, если б ей
Всегда предсказывать несчастья!
В том нет сомненья, что они
Всегда бы так и исполнялись.
На Сигизмунде и на мне
Легко проверить вам, Эстрелла,
Правдивость слов моих; различно
Судьба относится к обоим.
Ему предсказывала гордость,
Несчастья, ужасы, убийства,
И истину во всем сказала —
Все это так и происходит;

А мне, сеньора, посулила
Она блестящие лучи,
(В сравненьи с ними солнце – тень,
И небо – маленькая туча.)
Затем удачи и трофеи,
Рукоплескания и блага,
И вместе хорошо и худо
Она предсказывала мне.
Но, впрочем, правда, лишь тогда
Судьба надежною бывает,
Когда нескоро исполненье
За обещанием идет!

Эстрелла

Не сомневаюсь я, что эти
Любезности вполне правдивы,
Но все назначены они
Другой, портрет которой вы,
Астольф, имели на груди
В день вашего приезда в Польшу.
И если так, то лишь она
Одна достойна похвалы.
Ступайте к ней – она заплатит.

Бездоказательны, ничтожны
В делах любви, перед судом,
Любезности и уверенья,
Назначенные для других
Красавиц, для других царей.

Сцена 12-я

Те же и Розаура, незаметно для других.

Розаура (*в сторону*).

Хвала Творцу! Мои несчастья
Достигли своего предела;
Кто видит это, ничего
Тому не должно уж бояться[40].

Астольф

С груди моей портрет сниму,
Он должен место уступить
Твоей красе: куда – Эстрелла,
Оттуда прочь уходит тьма;

---

[40] Примечания: 40

Т. е. кто застает своего жениха в нежных разговорах с другой женщиной, несчастия того достигли высшей точки и, вероятно, скоро начнут уменьшаться.

Где солнце, там погасли звезды.
Сейчас иду. (В сторону.) О, Розаура!
Прости мне это оскорбленье;
В разлуке вряд ли кто сумеет
Обеты верности хранить!

(Уходит; Розаура приближается.)

Розаура (*в сторону*)

Я не слыхала ничего,
Боясь, что он меня увидит.

Эстрелла

Астрея!

Розаура

Я, сеньора.

Эстрелла

Мне
Приятно здесь тебя увидеть.
Одной тебе доверю я
Секрет.

Розаура

Тебе повиноваться,

Сеньора, лестно и приятно.

Эстрелла

Недолго ты живешь со мною,
Но завладеть уже сумела
Ключами от моей души.
И я тебе доверю то,
Что от самой себя скрывала.

Розаура

Тебе во всем я повинуюсь.

Эстрелла

Не буду медлить. Князь Московский,
Астольф, двоюродный мой брат,
(Сказать довольно, что он брат;
Ты знаешь, есть такие вещи,
Которые мы только мыслим,
Не смея их произнести.)
Со мною хочет сочетаться
Союзом брачным навсегда,
Когда Фортуна пожелает
За столько горестей и бед
Единым счастьем расплатиться.

И потому я огорчилась,
Увидев на груди Астольфа
В тот день, когда приехал он,
Какой-то женщины портрет;
И я заметила ему;
Он вежлив, тотчас согласился
Мне передать портрет изящный.
Теперь ушел он за портретом;
Но стыдно мне принять его;
Прошу тебя, останься здесь
И жди, когда он возвратится.
Тогда ты примешь от него
Портрет и мне без замедленья
В мои покои принесешь.
Тебе не объясняю больше:
Красива ты, умна и знаешь,
Что есть для женщины Любовь! (Уходит.)

Сцена 13-я

Розаура

О если бы не знала я!
Какая женщина, о боже!
Так осмотрительна, умна,
Чтобы помочь себе сумела
В таком ужасном положеньи?
И есть ли в мире человек,
Которому Творец жестокий
Несчастий больше посылает
И больше горестей, чем мне?
Что делать в этом затрудненьи,
Когда я вижу, невозможно
Ничем себя мне облегчить,
Ничем нельзя себя утешить!
Случилось первое несчастье,
И все, что следует за ним,
С собой несчастия приносит;
Вслед за одним идет другое,
Они наследуют друг другу;
Одно рождаясь из другого,
Они рождаются, как Феникс,
И смерть одних начало жизни
Другим, и так от пепла их

Всегда гробница горяча[41].
«Они хитры, – сказал мудрец, —
Ведь никогда поодиночке
Они нейдут за человеком».
А я скажу, они всесильны:
Они всегда идут вперед
И никогда не отступают.
Кто взял с собою их, на все
Дерзать тот может и решаться:
Пусть не боится, что они
Когда-нибудь его оставят.
Могу я это подтвердить:
Несчастья в жизни от меня
Не отставали никогда
И не отстанут до тех пор,
Пока, убитая фортуной,
В объятьях смерти не засну.
О, горе мне! О, что мне делать?
Когда откроюсь я, Клотальдо,

---

[41] Примечания: 41

По верованиям древности и Средних веков, Феникс рождается из своего собственного пепла, следовательно, самовозрождается, поэтому и гробница его всегда содержит горячий пепел, ибо из него возникает новая жизнь.

Который спас меня от смерти
И охраняет здесь меня,
Имеет право оскорбиться:
Он мне сказал, что лишь молчаньем
Возможно честь мою вернуть.
А если буду пред Астольфом
По-прежнему скрывать себя,
То как я обману его,
Когда останусь с ним вдвоем?
Обманывать стараться будут
Глаза, и голос, и слова,
Но их обман душа откроет.
Что делать мне? Но для чего,
Однако, думать мне об этом?
Ведь как бы ни старалась я,
Заботилась или хитрила,
То сделает печаль моя,
Чего она сама желает.
Никто не властен над страданьем!
И если не могу решиться
Исполнить то, чего хочу,
То пусть придет мое страданье

Сегодня к своему пределу,
Дойдет пусть горе до конца,
Пусть кончатся сомненья разом
И все случайности несчастья!
Но что бы ни было, о Боже,
Ты помоги мне, помоги!

Сцена 14-я

Розаура и Астольф, с портретом в руках.

Астольф

Сеньора, вот портрет, берите.
Но, боже…

Розаура

Что случилось с вами?
Что вас смущает, государь?

Астольф

Смущен тебя я видеть здесь,
Твой голос слышать, Розаура.

Розаура

Я Розаура? Вы ошиблись

И, без сомненья, за другую
Меня вы приняли. Но здесь
Пред вами фрейлина Астрея,
И, кажется, она не стоит,
Чтоб вы смущались из-за ней.

Астольф

К чему обманы, Розаура?
У нас душа не может лгать;
Хотя я вижу здесь Астрею,
Тебя люблю как Розауру.

Розаура

Не понимаю, государь,
И что ответить вам, не знаю;
Скажу я только, что Эстрелла,
Которую назвать возможно
Звездой Венеры, приказала
Мне подождать вас здесь немного
И передать вам от нее,
Чтоб вы мне отдали портрет, —
Какой портрет, известно вам, —
А я ей отнесу его.

Эстрелла этого желает,
Повиноваться я должна;
Ее желание исполню,
Хотя бы и во вред мне было.

Астольф

Ты делай бульшие усилья,
Но не обманешь и тогда.
Очам скажи ты, Розаура,
Чтобы они согласовали
С словами музыку свою;
А то фальшивит инструмент,
Когда он сильно так расстроен
И все же хочет выдавать
За гармонические звуки
Соединенье лжи и правды,
Той лжи, что громко произносит,
Той правды, что сокрыта в сердце.

Розаура

Я говорю вам лишь одно:
Позвольте мне портрет.

Астольф

Ты хочешь
Обман продолжить до конца?
Изволь, обманом я отвечу.
Астрея, передай инфанте,
Что я глубоко уважаю
Ее достоинства; и если
Она портрет прекрасный просит,
Мне кажется неделикатным
Послать ей именно портрет;
Я ей пошлю оригинал,
И пусть она его оценит:
Портрет ничтожен перед ним.
Оригинал снести ты можешь,
Его всегда с тобой ты носишь:
Сама ты тот оригинал.

Розаура

Когда желаем получить
Одно, а нам дают другое,
Хотя ценой и подороже,
Мы остаемся недовольны,
Себя мы чувствуем в обиде.
К тебе пришла я за портретом,

А ты даешь оригинал,
И пусть дороже стоит он,
Но без того, о чем просила,
Досадно будет мне уйти.
Итак, позвольте мне портрет,
А если нет, я ждать останусь.

Астольф

Но если я не дам его,
Так что же? силою возьмешь?

Розаура

Да, силой я возьму его!

(*Старается вырвать портрет.*)

Отдай его, неблагодарный!

Астольф

Увы, напрасные старанья!

Розаура

Клянусь Творцом, что не увидят
Его у женщины другой.

Астольф

Ужасна ты!

Розаура

А ты изменник!

Астольф

О Розаура ты моя!

Розаура

Что, я твоя? Ты лжешь, негодный!

(*Оба стараются завладеть портретом.*)

Сцена 15-я

Те же и Эстрелла.

Эстрелла

Что это значит, господа?

Астольф (*в сторону*)

Эстрелла здесь.

Розаура (*в сторону*)

О пусть любовь
Мне даст уменье получить
Портрет! (Эстрелле.) Когда хотите вы,

Могу сказать я вам, в чем дело.

Астольф (*Розауре*)

Что замышляешь ты?

Розаура

Велели
Вы мне Астольфа дожидаться
И от него принять портрет.
Я остаюсь, и так как мысли
Легко влекут одна другую,
То я, поговоривши с вами
Лишь за минуту о портретах,
Припомнила, что у меня
В кармане свой портрет лежит.
Я захотела посмотреть
Его (легко ведь человек,
Когда один он, предается
Пустым занятиям), и вдруг
Нечаянно из рук моих
Портрет мой на ковер упал.
Астольф, который в это время
Принес красавицы портрет,

Его, должно быть, пожалел
И заскупился; мой портрет
Он поднял с полу и в награду
За свой подарок хочет взять.
Ты видишь, он схватил его,
И убеждением и просьбой
Я не могла его вернуть,
И вот в досаде, в нетерпеньи,
Я свой портрет отнять решила.
И тот портрет, который держит
В своих руках он, это мой,
И ты сама легко увидишь,
Что он походит на меня.

Эстрелла

Астольф, позвольте мне портрет.

Астольф

Сеньора…

Эстрелла

Да, черты лица
Одни и те же.

Розаура

Разве это

Не мой портрет?

Эстрелла

Твой, без сомненья.

Розаура

И так другого требуй ты.

Эстрелла

Свое бери ты и ступай.

Розаура (*в сторону*)

Теперь я свой портрет вернула;

Пусть будет далее, что будет. (Уходит.)

Сцена 16-я

Эстрелла и Астольф.

Эстрелла

Теперь позвольте мне портрет,

Который я у вас просила;

Хоть я решила навсегда

Расстаться с вами, не хочу,

Чтоб он у вас в руках остался,
Уж если я имела глупость
Его однажды попросить.

Астольф (*в сторону*)

Ах, как бы извернуться мне!
(Эстрелле.) Хотя готов я всей душою
Служить, повиноваться вам,
Я не могу отдать портрета,
Который просите, сеньора.

Эстрелла

Ну да, конечно, кавалер
Ты грубый и неделикатный!
Не нужно мне его, не нужно,
А то, пожалуй, ты напомнишь,
Когда я получу портрет,
Что я тебя о нем просила. (Уходит.)

Астольф

Постой, послушай, подожди!
Будь проклята ты, Розаура!
Откуда, как и для чего
Сюда приехала ты в Польшу,

Сгубить меня, сгубить себя? (Уходит.)

Сцена 17-я

Темница Сигизмунда в башне. Сигизмунд, как в начале пьесы, в звериной шкуре и в цепях, лежит на земле. Клотальдо, двое слуг и Кларин.

Клотальдо

Здесь вы положите его;
Где началася его слава,
Там пусть и кончится.

1-й слуга

И цепь
По-прежнему я привяжу.

Кларин

Не просыпайся, Сигизмунд,
Затем, чтобы увидеть здесь,
Как жребий твой переменился:
Вся слава прахом разлетелась.
Она была лишь тенью жизни

И смерти пламенем[42].

Клотальдо

Тому,
Кто так искусно рассуждает,
Мы приготовим помещенье,
Где невозможна болтовня.

(*Слугам.*)

Его схватите и заприте
В другой темнице, поскорей.

Кларин

За что?

Клотальдо

Кларин, который знает
Такие тайны, должен быть
В темнице мрачной заключен,
Чтобы не мог звучать {[43]*}.*

Кларин

---

[42] Примечания: 42

Эти слова Кларина служат как бы прологом к глубоко трогательным сц. 18-й и 19-й. Ср. Жуковского «Слава, нас учили, дым!».

[43] Примечания: 43

Напомним, что имя «Кларин» значит «рожок». — *Ред.*

Да разве
Отца убить я замышляю?
Да разве бросил за окно
Икара я в миниатюре?
Я сплю иль грежу? Для чего
Меня вы тащите в темницу?

Клотальдо

Но ты – Кларин.

Кларин

Я говорю,
Что лучше буду я корнетом,
Наигрывать не стану песен.
Когда не нравятся они.

(*Слуги уводят Кларина.*)

Сцена 18-я

Входит Василий, переодетый. Клотальдо и Сигизмунд (спит).

Василий

Клотальдо…

Клотальдо

Государь, вы здесь?!
И странно так одеты вы?

Василий

Безумно наше любопытство!
Хочу я знать, что с Сигизмундом
Происходить в темнице будет,
И потому переоделся,
Чтоб не узнал меня никто.

Клотальдо

Вы видите, что снова здесь
Он в прежнем жалком положеньи!

Василий

О принц несчастный! в горький час
Родился ты. Ступай, Клотальдо,
И разбуди его, пора!
А то от сонного напитка
Он силу потерял и сам
Не скоро, может быть, проснется.

Клотальдо

Он неспокоен, государь,
И говорит все…

Василий

Подожди!
Послушаем, о чем он грезит.

Сигизмунд (*во сне*)

Любви достоин государь,
Который отомстит тиранам.
От рук моих умрет Клотальдо,
Отец мне ноги поцелует.

Клотальдо

Он смертью угрожает мне.

Василий

А мне жестокостью, позором…

Клотальдо

Меня лишить он хочет жизни.

Василий

Меня склонить к своим ногам.

Сигизмунд (*во сне*)

Пусть на широкой сцене мира

Увидят люди нашу доблесть,
Которой в мире равной нет,
И пусть мое узнают мщенье,
И пусть увидят Сигизмунда
Триумф достойный над отцом.

(*Просыпаясь.*)

Но где я? Где? И что со мною?

Василий (*Клотальдо*)

Меня не должен видеть он;
Ты знаешь сам, что нужно делать.
Его оттуда буду слушать.

(*Отходит в сторону.*)

Сигизмунд

Случайно, что ли, я захвачен,
Закован в цепи и себя
В таком ужасном месте вижу?
Иль эта башня есть гробница?
Должно быть так! О Боже, Боже!
Что только видел я во сне!

Клотальдо

Теперь я должен подойти,
Растолковать ему все дело.

(*Сигизмунду.*)

Как, разве уж пора вставать?

Сигизмунд

Да, кажется, пора, Клотальдо.

Клотальдо

Должно быть, хочешь целый день
Ты спать; с тех пор, когда я начал
Следить за медленно летящим
Орлом и здесь тебя оставил,
Неужели ты не просыпался?

Сигизмунд

О нет! Да и теперь еще,
Мне кажется, я не проснулся:
Насколько я могу судить,
Теперь я сплю еще, Клотальдо;
И, вероятно, это правда.
Ведь то, что видел я во сне,
Так было ясно, несомненно...
Быть может, то, что вижу, сон!

Клотальдо

Скажи мне, что во сне ты видел?

Сигизмунд

Ты называешь это сном!..
Но я скажу тебе, Клотальдо,
О том, что видел я очами,
А не о том, что только грезил.
О как жестоко я обманут!
Заснув в темнице, я проснулся
На ложе пышном и богатом;
По красоте и по убранству
Его сравнить возможно было
С благоухающим ковром
Цветов, рукой весны сотканным.
Там знатных тысячи людей,
Вокруг почтительно склонясь,
Меня царем своим назвали,
И пышной, царскою одеждой
И драгоценными камнями
Они украсили меня.
Моя душа была спокойна,

Но ты в восторг меня привел,
Когда сказал, что, несмотря
На прежние мои страданья,
Всегда был польским принцем я.

Клотальдо

Ты одарил меня за это?

Сигизмунд

Нет, не совсем-то одарил,
Но, как изменника, тебя
Два раза я хотел убить.

Клотальдо

За что же эта мне суровость?

Сигизмунд

Над всеми я повелевал,
Всем за себя хотел отмстить.
Одну лишь женщину любил,
И только это было правда:
Все, что там было, все исчезло,
Но не исчезла та любовь!

Клотальдо (*в сторону*)

Слова его услышав, царь,
Растроганный, уходит прочь.

(*Сигизмунду.*)

Мы об орле здесь говорили,
И потому немудрено,
Что власть увидел ты во сне;
Но и во сне бы не мешало
Любить и почитать того,
Который воспитал тебя
С таким терпеньем, Сигизмунд.
Всего разумней и вернее
Поступок добрый и во сне.

(*Уходит.*)

Сцена 19-я

Сигизмунд один.

Сигизмунд

Да, правда! Мы должны смирить
Честолюбивые порывы
И буйный и жестокий нрав,

Когда мы в самом деле спим
И жизнью нашей только грезим.
Так мы и будем поступать,
В чудесном мире пребывая,
Где наша жизнь есть только сон.
Ведь опыт научил меня,
Что люди в этом мире спят
И грезят жизнию своей,
Пока от сна не пробудятся!
Царь спит и грезит, что он царь;
В обмане этом он живет,
Повелевая, управляя;
Взаймы дана ему хвала:
Она написана на ветре.
Увы! Царя в прах обратит
Царица смерть! О жалкий жребий!
И кто же царствовать захочет,
Когда он знает наперед,
Что в смертный час проснется он?
Богач своим богатством грезит,
Богатством, что полно забот,
Но также грезит и бедняк,

Терпящий нищету и голод.
Кто начинает наживаться,
Кто утомлен и жаждет счастья,
Кто оскорбляет и вредит, —
Все эти люди спят и грезят.
Ну, словом, грезят в мире все,
Хотя никто не замечает.
И сам я сплю, и сам я грежу,
Что заключен в темнице я,
И грезил лишь, когда увидел
Себя в блистании царя!
Что наша жизнь? Одно безумье!
Одна иллюзия она,
Она лишь тень, мечты созданье,
И в ней великое ничтожно.
Вся наша жизнь лишь сновиденье,

И сновиденья также сон[44].

[44] Примечания: 44

14. Этот монолог интересно сравнить с 5 I книги 1-й части сочинения Ар. Шопенгауэра «Die Veit als Wille und Vorstellung» (по изданию Гризебаха, т. 1, с. 45–52), где приводятся соображения в пользу мысли, что весьма трудно различить жизнь ото сна; там же Шопенгауэр приводит цитаты из разных поэтов на тему: «жизнь есть сон».

К ним можно прибавить след, место и Bernardin de St. Pierre, Paul et Virginie: «Pourquoi douter des songes? La vie, remplie de tant de projets passagers et vains, est eile autre chose qu'in songe?»; и еще отрывок из прелестного стихотворения Вальтера фон дер Фогельвейде:

Ist mir mm Leben getraumet oder est ez war?
Dar nach han ich geslafen und enweiz ez nicht;
Nu bin ich erwachet und ist mir unbekant
Daz mir hie vor was kundic als min ander Hant.

Действие третье

Башня, в которой заключен Кларин.

Сцена 1-я

Кларин

Сижу в проклятой башне я,
Сижу за то, что мне известно;
Что ж сделают они со мною
За то, чего не знаю я,
Когда за то, что мне известно,
Они убить меня хотят?
Но если даже жить оставят,
То я от голода умру!
Я самого себя жалею;
И скажут все: «Тебе мы верим».
И этому легко поверить,
Когда никак несогласимо
Молчанье с именем моим:
Кларин – молчать я не могу.

Мои товарищи здесь – крысы
И пауки; а как поют!
Что сладкозвучные щеглята!
От сновидений этой ночи
Полна Кларина голова
Гобоев тысячью и труб;
И в ней процессии, кресты,
Толпы бичующихся в ней:
Одни спускаются, другие
Идут наверх; одни дрожат,
Кровь на других увидев[45]*, я же*
Дрожу лишь только от того,
Что голоден; в темнице тесной
Я заключен и днем читаю
Философа я Никомеда,
А в ночь беседую с Ниценом[46]*.*
И если новый календарь
Признал «молчанье» за святого,

---

[45] Примечания: 45

Словом, у Кларина голова «трещит», и ему снилась всякая бессмыслица.

[46] Примечания: 46

В подлиннике игра слов: Nicomedo и Niceno могут значить «неедящий» и «неужинающий», т. е. Кларин ничего не ест.

«Святой Секрет» – патрон мой верный,
Которому служу я ныне
Постом, а не весельем. Впрочем,
Вполне я кару заслужил:
Молчал я, будучи слугою.
А это грех, великий грех!

Сцена 2-я

Кларин и солдаты.

1-й солдат (*за сценой*)

Он в этой башне; дверь ломайте;
Войдемте все.

Кларин

Хвала Творцу!
Меня отыскивают люди,
Когда сказали, что я здесь.
Что нужно им?

1-й солдат (*за сценой*)

Войдемте в башню.

(*Выходят на сцену.*)

2-й солдат

Он здесь.

Кларин

Не здесь.

Все

О государь!

Кларин (*в сторону*)

Не в белой ли они горячке?

1-й солдат

Ты наш природный государь,
Другого допустить не можем:
Не нужен принц нам иностранный.

Все

Да здравствует наш государь!

Кларин (*в сторону*)

Постой, здесь дело не на шутку!
Обычай в этом царстве есть,
Чтоб каждый день кого-нибудь
Царем поставить надо всеми
И после тотчас возвратить

Его в темницу. Это верно,
Я это вижу каждый день,
И эту роль, как видно, нынче
Разыгрывать придется мне!

Солдаты

Дай ноги нам поцеловать.

Кларин

Мне самому они нужны,
И их отдать вам не могу я;
Не правда ль, очень неприятно
Безногим государем быть?

2-й солдат

Мы твоему отцу сказали,
Что государем мы признаем
Тебя лишь, а не москаля.

Кларин

Но как же должного почтенья
Отцу не оказали вы?
Вы, значит, просто негодяи.

1-й солдат

Закон мы грудью защищали.

Кларин

Когда закон, прощаю вас.

2-й солдат

Иди же с нами возвратить
Себе империю свою!
Да здравствует король наш славный!

Все

Да здравствует наш Сигизмунд!

Кларин (*в сторону*)

Как Сигизмунд? Ну что ж, отлично:
Всех принцев, выбранных на сутки,
Здесь Сигизмундами зовут.

Сцена 3-я

Те же и Сигизмунд.

Сигизмунд

Кто Сигизмунда призывал?

Кларин (*в сторону*)

Так, значит, принц я только в шутку!

1-й солдат

Вы Сигизмунд?

Сигизмунд

Да, это я!

2-й солдат

Так как же, дерзкий ты дурак,
Ты смел назваться Сигизмундом?

Кларин

Себя я назвал Сигизмундом?
Неправда, нет! скорее вы
Осигизмундили меня[47]*!*
Выходит, вы и дураки,
И дерзок ваш поступок странный.

1-й солдат

По всем приметам заключаем,
Что ты и есть наш Сигизмунд,
И, полагаяся на них,
Открыто мы провозглашаем

---

[47] Примечания: 47
В подлиннике: vosotros fuisteis los que — me segismundeasteis.

Тебя законным государем.
Отец твой, наш король Василий,
Боясь, что предсказанья неба
Исполнятся когда-нибудь
И что, тобою побежденный,
К твоим ногам склонится он,
Тебя задумал беззаконно
Лишить короны и престола
И передать Астольфу их.
В собраньи знатных он сбирался
Постановить уже решенье,
Но верный твой народ, проведав
О их намереньях преступных
И зная, что король законный
У Польши есть, не хочет, чтобы
Повелевал им иностранец.
Презрев веления судьбы
Немилосердной и жестокой,
Он отыскал тебя в темнице.
Оставь же башню заключенья;
При помощи его оружья
Ты власть свою верни и скипетр,

Коли тебе удастся их
Отнять у гордого тирана.
Иди же с нами. Там в пустыне
Тебя приветствуют плебеи,
Тебя приветствуют бандиты {[48]}!
Свобода ждет тебя. Послушай
Ты клики радостные войска.

Голоса за сценой

Да здравствует наш Сигизмунд!

Сигизмунд

Хотите вы, чтоб снова я
Величие во сне увидел
И снова не нашел его,
Когда наступит пробужденье?
Опять хотите вы заставить
Меня среди видений странных
Величием и блеском грезить,
Которые, как прах от ветра,
Рассыплются? О Боже, Боже!

---

[48] Примечания: 48

В устах восставших слово «bandidos» правильнее было бы перевести «повстанцы». — *Ред.*

Я должен снова обмануться,
Опять увидеть, как ничтожны
Могущество и власть людей?!
Довольно этого, довольно!
Я подчиняться не хочу
Своей фортуне, я ведь знаю,
Что наша жизнь есть только сон.
Ступайте прочь! Вы только тени,
И чувства мертвые мои
Вы обольщаете сегодня,
Мне представляя, будто есть
У вас тела и голоса,
Тогда как в самом деле нет
У вас ни голоса, ни тела!
Ступайте прочь! Не нужно больше
Величья ложного! Не нужно
Мне фантастического блеска!
Подует утром ветерок,
Они рассыплются, погибнут,
Как и миндальника цветы,
Хотя роскошно расцвели,
Теряют нежную красу

Своих пахучих лепестков,
Далеко в поле разносимых
Дыханьем легким ветерка!
Я знаю вас, отлично знаю:
Ведь с вами происходит то,
Чему подвержен всякий спящий;
Но обольщений для меня
Уж нет: глазам обман открылся,
И знаю я, что жизнь есть сон.

2-й солдат

Когда обман подозреваешь,
То обрати глаза свои
К горам великолепным этим:
Увидишь ты, что ожидает
Тебя народ, во всем готовый
Тебе повиноваться.

Сигизмунд

Я
Народ такой и прежде видел
Так ясно и определенно,
Как вижу я его теперь, —

И это было только сон.

2-й солдат

Нередко важные событья
Нам предвещаются во сне;
Случилось это и с тобою,
Когда во сне ты все уж видел.

Сигизмунд

Пожалуй, было предвещенье!
И если в самом деле так,
Душа моя, погрезим снова:
Ведь наша жизнь так коротка!
Но грезить будем мы с тобою
Внимательно и осторожно,
Затем, что можем мы проснуться
Тогда, когда всего дороже
Нам будут эти наслажденья.
Когда разумно поступаем,
То меньше разочарованья;
И если примем меры раньше,
То над несчастьем посмеемся.
И если даже не во сне

Я снова счастьем наслаждаюсь,
То все ж не должен забывать,
Что наша власть взаймы дана,
И нам ее вернуть придется
Тому, кто нам дает ее;
И это зная, без смущенья
Дерзнем на все! Сюда, вассалы!
За преданность спасибо вам!
Во мне найдете человека,
Который смело и спокойно
От рабства чужеземцу вас
Освободит. Теперь к оружью!
Теперь узнаете вы скоро
Мою великую отвагу.
Против отца я поднял меч;
Да, небо истину сказало:
У ног своих отца увижу...

(*В сторону.*)

Но если раньше ты проснешься,
Не лучше ль умолчать о том,
Что, может быть, и не свершится?

Сцена 4-я

Те же и Клотальдо.

Клотальдо

Что значит этот шум? О боже!..

Сигизмунд

Клотальдо…

Клотальдо

Государь… (В сторону.) На мне
Свою испробует жестокость.

Кларин

Бьюсь об заклад, что старика
С горы он спустит. (Уходит.)

Клотальдо

Государь,
К твоим ногам склоняюсь я
И знаю – смерти час настал.

Сигизмунд

Нет, встань с земли, старик, скорее!

Моим наставником, вождем
Ты будешь; на тебе успех
Надежд моих теперь основан.
Я знаю, что тебе обязан
Я воспитанием своим.
Дай руку мне!

Клотальдо

Что говоришь ты?

Сигизмунд

Я сплю и грежу! И хочу
Творить добро, ведь и во сне
Не должно случая терять
Творить добро, когда возможно.

Клотальдо

И так ты взял своим девизом
Творить добро и потому
Ты, государь, не оскорбишься,
Когда увидишь, что Клотальдо
Сегодня делать хочет то же.
Идешь войной ты на отца;
Тебе я не могу советов

Давать, ни помогать тебе.
К твоим ногам склоняюсь я,
Убей меня!

Сигизмунд

Неблагодарный,
Изменник грубый! (В сторону.) Но я должен
Умерить пыл своих страстей:
Ведь я еще не знаю, сплю я
Или проснулся уж совсем!
Клотальдо, мне весьма завидно
Такую твердость видеть в вас;
Она приятна мне. Ступайте,
Служите государю; с вами
Увидимся на поле битвы.

(*Солдатам.*)

А вы беритесь за оружье.

Клотальдо

Сеньор, благодарю тебя. (Уходит.)

Сигизмунд

Мы царствовать идем, фортуна!

Когда я сплю глубоким сном,
Не пробуждай меня напрасно;
Но если это все не греза,
Тогда не усыпляй меня[49].
Но будь то правда или сон,
Творить добро – вот наш закон:
Когда не грезим – для того,
Чтобы добро царило в мире,
А если грезим, то затем,
Чтобы тогда иметь друзей,
Когда минует сладкий сон[50].

(*Все уходят; играет музыка.*)

Сцена 5-я

Зал в царском дворце. Василий и Астольф.

Василий

---

[49] Примечания: 49

Т. е. если все это правда, не разрушай моего счастья.

[50] Примечания: 50

В этих словах заключается как бы программа нравственной деятельности человека: если жизнь не сон, тогда надо в ней бороться за правду и расширять ее господство на земле; а если жизнь сон, то и тогда надо творить добро, ибо, где бы мы ни проснулись, лучше проснуться с чистой совестью.

Какой благоразумный человек
Смирить сумеет бешенство коня,
Удила закусившего? Кто сможет
Остановить свободный бег ручья,
Который без удержу мчится в море?
Астольф, скажи мне, кто громадный камень,
С горы летящий, в силах удержать?
Но все это смирить гораздо легче,
Чем гнев и бешенство толпы народной.
Разносится стоустая молва:
Ты слышишь, партии в стране явились,
В горах пустынных эхо раздается,
Одни «Астольф!», другие «Сигизмунд!»
Кричат; а трон, присягой освященный,
Театром стал кровавым, на котором
Трагедию разыгрывает рок.

Астольф

На время пусть исчезнет то веселье,
Замолкнет пусть рукоплесканий гром,
Которые сулила мне твоя
Счастливая рука! Ведь если Польша,

Которой я повелевать надеюсь,

Отказывает мне в повиновеньи

Сегодня, то причина мне ясна:

Сам должен Польшу заслужить мечом я!

Подайте мне коня; и пусть скорее

Блеснет, величья полный, луч, и гром

Ударит вслед за ним. (Уходит.)

Василий

Борьба напрасна,

Когда чему-нибудь свершиться должно,

И риск велик против того бороться,

Что ранее назначено судьбой;

И если что-нибудь должно случиться,

То уж его никак не миновать.

Кто убежать стремится от несчастья,

Тот раньше всех несчастье испытает[51].

---

[51] Примечания: 51

Василий отступает от своего убеждения, что «человек сильнее звезд», выраженного им выше (действие II).

О злое бедствие! Ужасный случай!
Опасности хотел я избежать,
И сам призвал я беды на себя!
И тем себя я должен погубить,
Чего я более всего страшился,
Да, сам отечество я погубил.

Сцена 6-я

Василий и Эстрелла.

Эстрелла

Когда не думаешь ты, государь,
Сам обуздать мятеж, который всюду
На улицах и площадях, увидишь
Ты царство Польское в волнах кровавых,
В крови сынов своих; уж и теперь
Повсюду кровь, страдание и ужас!
Так велико империи крушенье,
Так велики убийства и раздор,
Что горестно очам смотреть на них,
И уху горестно о них услышать.

В смущеньи солнце, ветер затруднен;
Надгробной пирамидой каждый камень
Вздымается; в полях цветок стоит
Как памятник; дом каждый есть гробница,
И каждый воин лишь живой скелет.

Сцена 7-я

Те же и Клотальдо.

Клотальдо

Хвала Творцу, что я живым могу
Упасть к твоим ногам.

Василий

Скажи, Клотальдо,
Где Сигизмунд?

Клотальдо

Толпа, как дикий зверь,
Чудовище, сорвавшееся с цепи,
В темнице Сигизмунда отыскала
И вывела его на божий свет.

А он, себя увидев вновь свободным,
В поход отправился как храбрый воин
И объявил народу и войскам,
Что он докажет верность предсказаний,
Которые имеются о нем.

Василий

Подайте мне коня; хочу я сам
Сразить неблагодарного, наука
Моей короны защитить не может;
Поправить дело должен добрый меч.

(*Уходит.*)

Эстрелла

Я возле солнца буду там Беллоной,
Поставлю рядом наши имена,
Я поднимусь на крыльях распростертых
И в храбрости с Палладою поспорю. (Уходит.)

Сцена 8-я

Розаура входит и останавливает Клотальдо.

Розаура

Хотя я знаю, доблесть сердца
Тебя зовет на поле битвы,
Теперь, когда война пылает,
Однако выслушай меня.
Ты знаешь сам, с каким позором,
Кем оскорбленная жестоко,
Приехала я в Польшу. Здесь
В тебе нашла я состраданье:
Ты под защиту взял меня.
По приказанью твоему,
Переодевшись, я осталась
Среди придворных дам, и ревность
Свою скрывала, и Астольфа
Оберегалась, как сказал
Ты мне; но вот беда случилась:
Астольф узнал меня вчера
И, несмотря на то что здесь я,

Как бы в насмешку надо мною,
В саду свиданье назначил
Эстрелле; я достала ключ
От сада; ты войдешь туда
И там с моей печалью кончишь[52]*.*
Там можешь смело и спокойно
Ты честь мою восстановить,
Когда решился в самом деле
Отмстить Астольфу за меня.

Клотальдо

Да, правда, встретившись с тобою,
Я был твоей печалью тронут
И обещал тебе все сделать,
Что буду в силах, Розаура.
Я посоветовал тебе
Мужской наряд немедля снять
И план оставить безрассудный
Своей неопытной рукою
Отмстить Астольфу за обиду.
А сам я думал в это время,

---

[52] Примечания: 52
Т. е. убьешь Астольфа и восстановишь мою честь.

Как честь твою восстановить,
И даже не страшился мысли
Убить Астольфа – так хотелось
За честь твою вступиться мне.
Безумный замысл старика!
Но оправдаться я могу
И пред собой и пред другими
Хотя немного в том безумьи!
Я мог Астольфу отомстить:
Он не был королем моим[53].
Но все теперь переменилось:
От мести дикой Сигизмунда
Я был спасен рукой Астольфа!
Он защищал меня так храбро,
Что безрассудною отвагой
Назвать его поступок можно.
Могу ли я убить Астольфа,
Который спас меня? Подумай!
Того, кто даровал мне жизнь,

---

[53] Примечания: 53

Обычный исход несчастной любви; в монастырь, напр., собираются идти донья Мария (Gustos y disgustos son no mas que imagination) и Доротея (Nina de Gomez Arias).

Убить? Ты видишь, между вами
Разделена душа моя:
Что дал тебе я, Розаура,
То сам я принял от Астольфа.
На что решиться, я не знаю.
Кому помочь? Я обязался
За оскорбленье Розауры
Тому отмстить, кому обязан
Спасеньем жизни я своей!

Розаура

Тебе доказывать не нужно,
Что для великого героя
Давать настолько благородно,
Насколько низко принимать.
И если ты согласен с этим,
За что тебе благодарить
Астольфа? За спасенье жизни?!
Его подарок жизнь твоя,
Тебе обязана я жизнью.
И так ты видишь, он заставил
Тебя позорно поступить,
А я позволила тебе

Великодушное деянье
Свершить; ты оскорблен Астольфом,
А мне обязан, если мне
Дал то, что от него сам принял.
И так подумай обо мне,
Отмсти Астольфу за меня,
Ведь я настолько больше прав
Имею на твою защиту,
Чем он, насколько выше делать,
Чем получать благодеянье.

Клотальдо

Согласен я, что благородство
На стороне того, который
Дает; но благодарным быть
Обязан тот, кто получает.
И так как я умел давать,
То, с детства честный человек,
Могу я смело называться
Великодушным, Розаура.
Позволь мне благодарным быть!
Я был с тобою щедр, дитя;
Ты знаешь, щедрость – добродетель;

Но той же чести я достигну,
Когда я буду благодарен.

Розаура

Жизнь от тебя я получила;
Но ты, Клотальдо, мне сказал,
Когда от смерти спас меня,
Что жизнь позорная – не жизнь.
И так ты видишь, ничего
Я от тебя не получила,
И жизнь моя не есть твой дар.
Сперва ты хочешь щедрым быть
И уже после благодарным,
Как сам сейчас ты говорил.
Верни мне жизнь мою, которой
Я от тебя не получала.
Давать нас больше возвышает,
И потому сперва будь щедрым,
Тогда заслужишь благодарность.

Клотальдо

Твоею речью побежденный,
Дитя, сперва я буду щедрым:

Тебе отдам свое богатство,
И ты живи в монастыре[54]*.*
Обдумал я все это дело
И середину в нем избрал.
В святое место удаляясь,
Ты убегаешь от грехов!
Теперь подавлено бедами
Все государство; я не буду
Как благородный человек
Несчастий этих умножать;
Избрав такое средство, я
Не изменяю государству;
К тебе я щедр и благодарен
Астольфу… Потому скорее
Ты выбирай, дитя, что хочешь;
Иначе я не поступлю,
Хотя бы был твоим отцом!

Розаура

Когда б ты был моим отцом,

---

[54] Примечания: 54

Francisco de Rojas Zorrilla написал свою знаменитую драму «Del rey abajo, ninguno» («Кроме короля, никто») на тему, что оскорбления можно прощать только королю.

Снесла бы я обиду эту;
Теперь же не могу снести…

Клотальдо

Но что же хочешь делать ты?

Розаура

Убить Астольфа.

Клотальдо

Ты, девица,
Отец которой неизвестен,
Дерзнешь ли ты на это?

Розаура

Да.

Клотальдо

Откуда мужество твое?

Розаура

За честь я мщу.

Клотальдо

Астольф, подумай…

Розаура

Всего дороже честь моя!

Клотальдо

Твой государь – супруг Эстреллы.

Розаура

Ее супругом он не будет.

Клотальдо

Безумье это…

Розаура

Знаю я.

Клотальдо

Смири его.

Розаура

Нет, не могу.

Клотальдо

Погубишь ты…

Розаура

Я это знаю.

Клотальдо

И жизнь и честь.

Розаура

Охотно верю.

Клотальдо

Тогда к чему же ты стремишься?

Розаура

К чему стремлюсь? Ищу я смерти.

Клотальдо

Подумай, это ведь безумье.

Розаура

Нет, это честь.

Клотальдо

Ведь это дикость.

Розаура

Отвага это.

Клотальдо

Ты безумна.

Розаура

А ты забыл мою обиду.

Клотальдо

Скажи, ужели средства нет
Против твоей безумной страсти?

Розаура

Нет средства!

Клотальдо

Кто ж тебе поможет?

Розаура

Сама я!

Клотальдо

Нет другого средства?

Розаура

Нет средства!

Клотальдо

Есть пути другие.

Розаура

Не все равно ли, как погибнуть? (Уходит.)

Клотальдо

Когда погибели ты ищешь,
Так подожди же, дочь моя:

Идем и все погибнем вместе. (Уходит.)[55]

Сцена 9-я

Поле. Сигизмунд, одетый в звериную шкуру; солдаты проходят. Кларин. Музыка.

Сигизмунд

О если бы сегодня Рим великий,
Во дни своих триумфов над вселенной,
Меня увидел! Мужеством моим
Он восхитился бы и во главе
Полков своих меня бы он поставил!
И храбрости моей, казалось бы,
Не трудно небесами завладеть.
Но для чего вздымаешь паруса,
Душа моя? Безумная отвага
Мой блеск и славу может погубить,
И тяжело мне будет, просыпаясь,

---

[55] Примечания: 55

Вся эта скучная сцена служит ярким примером, в какие рассуждения, построенные по всем правилам логического искусства, пускаются герои и героини Кальдерона. <Это примечание обнаруживает то восприятие барокко и классицизма, которое существовало в XIX в. — *Ред.*>

Понять, что сам все это потерял я!

(*Слышен рожок.*)

Кларин

Там кто-то мчится на коне чудесном!
Простите, принц, но этого коня
Хочу я вам представить описанье.
Легко его принять за карту мира:
Земля есть тело бурного коня;
Огонь – душа, которая в груди
Его; белеющая пена – море;
А воздух есть дыхание его.
Все элементы в нем соединились,
И в нем, как в хаосе, слилися вместе
Огонь и воздух, море и земля —
Его душа, дыханье, пена, тело.
По яблокам, пестреющим на шерсти,
Его удобно шпорой ударять.
Не скачет он, как ветер, он летит,
И, кажется, в воинственном наряде
Красавицу подвозит он сюда.

Сигизмунд

Меня ее блистанье ослепляет.

Кларин

Хвала Творцу! Я вижу Розауру. (Уходит.)

Сигизмунд

Сам Бог ее мне возвращает[56].

Сцена 10-я

Розаура, в пастушеском наряде, со шпагой и кинжалом. Сигизмунд. Солдаты.

Розаура

О, благородный Сигизмунд!
Твое величие восходит
Как яркий день из мрака ночи.
В объятьях пламенных Авроры
Забудет солнце труд дневной
И с прежней силою блистает
Поутру розам и растеньям,
И над горами и морями
Короной царскою сверкая,

---

[56] Примечания: 56
Потому что Розаура и есть та женщина, которую любит Сигизмунд.

И разливая ровный свет,
Вершины гор в сияньи топит,
И разноцветными шелками
Морскую пену расшивает.
Так новый день, о солнце Польши,
И ты под миром занимаешь!
Ты бедной женщине поможешь,
К ногам твоим с мольбой упавшей.
Кто храбр и сердцем благороден,
Тот должен женщине помочь;
А если женщина несчастна,
Тогда двойное основанье
Дает ей право на защиту.
Три раза видел ты меня
И трижды ты не знаешь, кто я!
В одежде новой каждый раз
Являлась я перед тобою!
Сперва в твоей темнице мрачной,
Где горькие твои страданья
Мне послужили утешеньем,
Меня за рыцаря ты принял.
Потом ты восхищался мною

Как женщиной, в тот день, когда
Весь блеск величья твоего
Был только сном, мечтаньем, тенью.
Сегодня видишь в третий раз;
И я чудовищем кажусь,
Соединением двух природ:
Одежду женщины на мне
Оружье мужа украшает.
И чтоб, проникшись состраданьем,
Ты лучше защитил меня,
О горестной моей судьбе
Рассказ печальный ты прослушай.
Я при дворе князей Московских
От знатной матери родилась;
Как все несчастные, она
Была красавицей прелестной.
Там на нее свое вниманье
Один изменник обратил…
Кто он, сказать я не могу,
Не знаю имени его,
И только в храбрости моей
Найдешь ты отблеск, может быть,

Величия его души.
Когда бы жили мы еще
Во дни языческих богов,
То я сказала бы тебе,
Что это был Зевес могучий,
Спускавшийся златым дождем
К Данае, к Леде прилетавший,
Как лебедь белый, и Европу,
Как бык, унесший по волнам.
Казалось мне, что свой рассказ
Я замедляю без нужды
Мифологической прикрасой.
Но нет! Ты понял сам теперь,
Что с матерью моей случилось.
К его любовным увереньям
Свой слух склонила мать моя,
И, будучи прекрасней всех,
Она, как все, несчастна стала.
Он клялся быть ее супругом,
Она поверила ему,
Он обманул, и до сих пор
Она не может не заплакать,

Когда подумает об этом.
И, как Эней родную Трою,
Изменник мать мою покинул,
Оставив ей в воспоминанье,
Как тот герой, лишь добрый меч.
И этот меч теперь со мною;
До окончанья приключений
Его сегодня обнажу!
От этой связи беззаконной,
Которую назвать возможно
Супружеством и преступленьем, —
Не станем спорить мы о том,
Какое имя ей подходит, —
От этой связи я родилась.
И так устроила судьба,
Что стала я живым портретом
Несчастной матери своей,
От ней в наследство получив
Не красоту, а стыд и горе.
Ты, государь, поймешь, что я,
Наследница ее судьбы,
Таким же бедствиям подверглась!

И я своей лишилась чести,
Невинности своей лишилась —
Их, как трофей, унес… Астольф.
О, лишь я назову Астольфа,
В груди моей больное сердце
Тоской наполнится и гневом,
Как бы указывая мне,
Что я врага его назвала.
Моей любовью насладившись,
Астольф забыл свою победу
И, новой славы добиваясь,
Приехал в Польшу, где с Эстреллой
Он хочет браком сочетаться.
Зажгла Эстрелла яркий факел
Моей погибели печальной!
И кто поверит, что звезда
Любовников соединяла,
И что теперь звезда – Эстрелла
Разъединяет их навек?
Осмеяна, оскорблена
Осталась я с своей тоскою,
И в Вавилон души моей

Все муки адские собрались.
Молчала я, ведь есть страданья,
Есть беды, о которых нам
Не нужно говорить ни слова:
В поступках наших открываясь,
Они и так другим понятны.
И горестным своим молчаньем
Я матери сказала ясно,
Что я страдаю. Как-то раз
Мы с матерью вдвоем остались,
И вдруг она неосторожно
Темницу тесную открыла,
И наши горькие страданья
Толпою вырвались на волю.
Тогда я все сказала ей.
Когда рассказываем мы
О преступлениях своих
Тому, кто сам виновен был,
То, кажется, уже мы слышим
Прощенья ласковое слово.
Так и дурной пример порою
Приносит людям пользу. Словом,

Услышав жалобы мои,
Она прониклась состраданьем
И стала утешать меня...
Рассказом о своей обиде:
Судья, виновный сам, легко
Дарит преступнику прощенье.
Но, свой проступок осуждая,
Она утешить не могла
Свою тоскующую дочь:
Ей и самой не удалось
Вернуть потерянную честь.
И вот тогда она решила,
Что следом за Астольфом я
Должна отправиться скорее,
И так, во что бы то ни стало,
Его заставить заплатить
Свой долг за поруганье чести.
Во избежанье новых бед
Она велела мне надеть
Мужской наряд и на прощанье
Вот эту шпагу мне дала.
Пора мне обнажить ее!

Ее значенью доверяя,
Сказала мать: «Дитя мое,
Без страха в Польшу отправляйся
И там в собрании знатнейших
Ты эту шпагу покажи;
Быть может, в ком-нибудь найдут
Твои страданья утешенье
И помощь – бедствия твои».
Достигла польских я пределов.
Опустим то, что здесь неважно
И что тебе уже известно.
Ты знаешь, буйный конь примчал
Меня к твоей темнице страшной,
Где ты с великим удивленьем
Меня увидел; знаешь ты,
Что пожалел меня Клотальдо,
Пощады для меня просил,
Что, внемля просьбам старика,
Меня простил король. Затем,
Узнав историю мою,
Клотальдо мне велел надеть
Наряд, мне больше подходящий.

Я стала фрейлиной Эстреллы,
И удалося мне нарушить,
Согласье между них и свадьбу
Хотя на время задержать.
Опустим то, что во дворце
Меня опять ты увидал
И форму прежнего виденья
Ты с новой женскою смешал.
Скажу я прямо, что Клотальдо,
Увидев, как полезен будет
И государству и ему
Астольфа и Эстреллы брак,
Мне посоветовал оставить
Все притязания мои.
Теперь, великий Сигизмунд,
За все ты можешь отомстить:
Ты вышел из темницы мрачной,
Где ты по чувствам был лишь зверь
И где страдания свои
Переносил, как твердый камень.
Отмщенье ты отцу готовишь
И против родины своей

Ты поднял меч. И я пришла
Тебе помочь, соединяя
В себе Палладу и Диану,
Под латами одной богини
Имея пышную одежду
Другой. Обоим важно нам
Не допустить осуществиться
Мечтам Астольфа и Эстреллы:
Моим супругом будет он,
Когда похитил честь мою.
И ты препятствовать им должен:
А то они, располагая
Войсками двух могучих царств
И силу большую имея,
Сомнительной твою победу,
Пожалуй, сделают. К тебе
Как женщина я прихожу,
Защиты я прошу смиренно;
Но как мужчина, я сумею
Твой дух на подвиг возбудить,
А подвиг тот – добыть корону.
Как женщина склонясь, слезами

Хочу твое я сердце тронуть
И как мужчина шпагой смело
И жизнью всей тебе служить.
Когда меня ты вновь полюбишь
Как женщину, в защиту чести
Тебя убью я как мужчина.
В завоевании любви[57]
Тебе я жалуюсь смиренно
Как женщина, но как мужчина
Сумею честь свою вернуть.

Сигизмунд (*в сторону*)

О боже! Если в самом деле
Я сплю глубоким сном и грежу,
О прошлых днях воспоминанья
В душе моей сотри бесследно.
Ведь я не мог во сне увидеть
Все, что теперь припоминаю!
О боже, кто понять сумеет
Все эти вещи? Кто принудит
Себя ни об одной не думать?

---

[57] Примечания: 57
Т. е. возвращая потерянную любовь Астольфа.

Кто был в подобном затрудненьи?
Когда лишь сонной грезой было
Мое величие и блеск,
То почему ж она теперь
Столь ясно и определенно
О них рассказывает мне?
Так, значит, это не был сон!
А если истина, то здесь
Другое вижу затрудненье!
Как называет жизнь моя
Все это сном? Иль наша слава
На сон похожа до того,
Что мы действительную славу
Считаем ложью и обманом,
А славу, созданную грезой,
Считаем истиной? Ужели
Так мало разницы меж ними,
Что можно задавать вопрос,
Принять ли то, что видим мы,
Чем наслаждаемся порою,
За истину или за ложь?
Иль так похожи друг на друга

Оригинал и подражанье,
Что в нас сомненье возникает,
Который же оригинал?
Но если, словно тень, исчезнут
Величие и блеск людей
И их могущество и слава,
Сумеем захватить для счастья
Хоть то короткое мгновенье,
Какое нам дано в удел!
Ведь если мы лишь спим и грезим,
То жизнью насладится тот,
Кто и во сне ей насладится.
В моих руках здесь Розаура,
Душа моя полна любовью
К ее небесной красоте;
И так воспользуемся счастьем!
Она доверчиво пришла
Защиты у меня просить;
До этого мне дела нет!
Она в моих руках, и я
Люблю ее. Она моя!
Все это сон; и если сон,

Теперь о счастьи будем грезить,
А после пусть беда приходит!
Но ах! своими же словами
Я должен обличить себя!
Ведь если это сон и греза,
Кто согласится потерять
За человеческую славу
Божественную? Разве благо
Минувшее не тот же сон?
Кому на долю выпадало
Столь героическое счастье,
Чтобы, о нем воспоминая,
Он не сказал: «То был лишь сон!»
И если я теперь предвижу
Разоблачение обмана,
И если я теперь уж знаю,
Что наслажденье – только пламя,
Которое в ничтожный пепел
И легкий ветер обратит,
Я буду к вечному стремиться!
Оно – живительная слава,
Перед которой прах ничтожный

Величие и блеск людей.
Я вижу – чести лишена
Красавица, и государю
Приличней возвращать ее,
Чем отнимать рукою смелой.
Клянусь Творцом! Я постараюсь
Ей честь сперва вернуть, а после
Свою корону добывать.
Соблазна так избегнем мы,
А он не мал. (Солдатам.)
Друзья, к оружью!
Сегодня битву дам я раньше,
Чем солнца яркие лучи
В водах темно-зеленых моря
Схоронит сумрачная ночь.

Розаура

Как, государь, уходишь ты?
Ужели горести мои
Не заслужили даже слова?
Возможно ль, государь великий,
Что ты меня не хочешь слушать?
Смотреть не хочешь на меня?

Сигизмунд

Теперь я должен, Розаура,
С тобою быть суров, а после
Во мне найдешь ты состраданье!
Тебе не отвечает голос,
Тебе ответит честь моя.
Теперь молчу, но мой ответ
Из дел моих узнаешь ты.
Тот, кто среди страданий тяжких
Берется честь спасти твою,
Не должен на тебя смотреть,
Твоей красы не должен видеть.

(*Уходит, и солдаты с ним.*)

Розаура

Что значат эти все загадки?
Я так страдала, что сомненье
По поводу ответов странных
В душе невольно остается!

Сцена 11-я

Кларин и Розаура.

Кларин

Сеньора?

Розаура

Это ты, Кларин?
Где был ты?

Кларин

Был в темнице. Там
По картам я гадал о смерти,
Придет она иль не придет?
И вышло мне, что жизнь свою
Я потеряю очень скоро.
Меня держали взаперти
Затем, что важные секреты
Хотел открыть я.

Розаура

Но какие?

Кларин

Да тот секрет, кто ты такая!
Клотальдо… Но ты слышишь шум?

(*Слышна музыка.*)

Розаура

Что это значит?

Кларин

Из дворца,
Который крепко осажден,
Идут на вылазку полки
Сразиться с гордым Сигизмундом.

Розаура

Так почему же я не с ним?
Мне стыдно трусости своей!
Вперед, на помощь Сигизмунду!
Теперь его теснит жестокость,
Права нарушив и закон. (Уходит.)

Сцена 12-я

Кларин. Солдаты (за сценой).

Одни

Да здравствует наш царь могучий!

Другие

Да здравствует свобода наша!

Кларин

Привет царю! Привет свободе!
Привет обоим в добрый час!
Какое дело мне до них?
Меня заботит лишь одно:
Как обойдутся здесь со мною?
Вокруг смущение и битва,
А я один запрячусь в горы,
И, как Нерона в Древнем Риме,
Меня ничто не потревожит[58].
По правде, если беспокоюсь
О чем-нибудь, так о себе.
Я спрячусь здесь; и как чудесно
Увижу праздник весь отсюда.
Какое славное местечко!

---

[58] Примечания: 58

По преданию, Нерон любовался на пожар Рима и декламировал в это время стихи Энеиды на пожар Трои; на эту тему есть один старинный испанский романс, в котором повторяется выражение: «Y el de nada se dolia», — т. е. он не тревожился ни о чем; на это место, вероятно, и намекает Кальдерон.

В горах удобно притаиться,
И если смерть меня не сыщет,
Так фига смерти, даже две!

(*Прячется. Слышны музыка и шум битвы.*)

Сцена 13-я

Василий, Клотальдо и Астольф бегут, Кларин, незаметно для других.

Василий

Где более несчастный царь?
Где более отец страдает?

Клотальдо

Твои полки побеждены,
Бегут в смущеньи, в беспорядке.

Астольф

Изменники – и победили.

Василий

Тот прав, кто в битве победил,
А побежденный – вот изменник.
Бежим, Клотальдо, с поля битвы:

Спасаться должен я от злобы
И мести собственного сына.

(*За сценой стреляют, и Кларин падает.*)

Кларин

О боже!

Астольф

Там солдат упал;
Он весь в крови, несчастный; кто он?

Кларин

Я тот несчастный человек,
Который думал убежать
От смерти и нашел ее.
Она попалась мне навстречу,
Когда я от нее бежал.
На всей земле не сыщешь места,
Недостижимого для смерти.
Отсюда ясен вывод мой:
Кто шибче всех бежит от смерти,
Скорее тот приходит к ней.
Итак, сейчас же возвращайтесь
В кровавый бой; среди огня

И грома битвы безопасней
Вы будете, чем здесь в горах,
В уединеньи; нет дороги
Столь безопасной, чтоб по ней
Мы от судьбы могли уйти.
Спешите вы освободиться
От смерти бегством от нее?
Смотрите, вы на смерть идете,
Когда Творец решил, что вы
Должны погибнуть. (Падает и умирает.)

Василий

Вы идете
На смерть, когда Творец решил,
Что вы должны погибнуть! Боже!
Все заблуждения людей,
Все их невежество и глупость
Пред светом высшего познанья
Презренный обличает труп,
Устами раны говорящий.
Он языком кровавым учит,
Что тщетны все стремления наши,

Когда бороться мы хотим
Против того, что нас сильнее[59]*!*
Хотел я родину свою
От смут и гибели спасти,
И этим самым вверг ее
В то, от чего спасти стремился.

Клотальдо

Судьбе открыты все дороги,
И среди скал найдет она
Того, кого захочет взять.
Но рассуждение твое
Христианина недостойно:
Грешно сказать, что нет защиты
Против ее слепого гнева.
Ты знаешь, храбрость помогает
Отнять победу у судьбы.
Теперь гоним ты злой судьбою,

---

[59] Примечания: 59

Ср. подобный оборот в индийской драме «Malati und Madhava» (пер. Ludwig Fritze):

Sie predigen durch ihre Leiber jetzt,
wie doch die Menschen meist
Hinfallig und des Unheils Beute sind.

Но хоть на будущее время
Уйти старайся от нее.

Астольф

Клотальдо правду говорит,
Как умудренный жизнью муж,
А я, как юноша, скажу —
В густом кустарнике есть конь,
Он ветра быстрое дитя;
Беги на нем; а я меж тем
Тебе прикрою отступленье.

Василий

Не знаю я небес решенья,
Умру сегодня или нет,
Но сам искать я буду смерти
И встречусь с ней лицом к лицу.

(*Берутся за оружие.*)

Сцена 14-я

Сигизмунд, Эстрелла, Розаура, солдаты, свита; Василий, Астольф, Клотальдо.

Солдат

Там в глубине, в ущельях гор,
Скрывается король.

Сигизмунд

Идите
За ним туда и все деревья,
За веткой ветку, ствол за стволом,
Скорее там вы обыщите.

Клотальдо

Бегите, государь.

Василий

Зачем?

Астольф

Что хочешь делать ты?

Василий

Астольф,
Оставь меня.

Клотальдо

Что ты задумал?

Василий

Испробовать задумал средство,
Которым я до этих пор
Пренебрегал. (Сигизмунду.) Меня ты ищешь,
О принц, и я у ног твоих;
И пусть ковром их будет снег
Моих волос. Возьми корону,
И честь мою ты уничтожь,
И уважение ко мне.
Отмсти за прежние обиды.
Я пленник твой, и честь моя
В твоих руках. Я вижу ясно,
Что бесполезны все старанья.
Так пусть исполнятся теперь
Небес былые предсказанья!
Я побежден своей судьбой.

Сигизмунд

Внемлите речи государя,
О знатные дворяне Польши,
Свидетели событий чудных,
Небес решенье неизменно,
И лжи презренной не найдется

В предвечной книге у Творца,
В которой буквами златыми
И на лазоревой бумаге
Написана судьба людей!
Что там написано однажды,
То не обманет, не солжет.
Обман и ложь созданье тех,
Кто в смысл великих предсказаний
Проникнуть хочет неискусно.
Вот мой отец стоит пред вами!
Он оградить себя хотел
От зла, которым угрожала
Судьба, когда царем я стану,
И воспитал меня, как зверя,
В пустыне дикой и безлюдной.
И если б я родился кротким,
И если б царственная кровь
Во мне текла струей ленивой,
То воспитание такое
Дало бы мне привычки зверя!
Прием искусный уничтожить
Дурные свойства человека!

И если бы сказали нам:
«Вот этот дикий зверь, проснувшись,
Вас растерзает», – неужели
Мы стали бы его будить,
Избегнуть гибели желая?
Когда бы кто-нибудь сказал:
«От этой шпаги ты умрешь», —
Того сочтем безумцем мы,
Кто, избежать желая смерти,
Клинок к своей груди приставит.
И если б нам известно было,
Что мы погибнем в бурном море,
Ужели б в море мы пустились,
Когда оно вздымает гордо
Зубчатые громады волн,
Кудрявые холмы кристаллов?
С моим отцом случилось то же,
Что с тем, кто на свою погибель
Разбудит яростного зверя,
Кто шпагу обнажает, зная,
Что он погибнет от нее,
Иль с тем, кто в море выплывает

Тогда, когда оно бушует[60].
И если б даже спящим зверем
Мой непокорный был характер,
А гнев мой – шпагою в ножнах,
А злоба – тишиною моря,
То все ж судьбы не победить
Жестокостью и грозным мщеньем:
Кто мстит, ее ожесточает.
Над ней победу одержать
Возможно лишь тому бывает,
Кто кроток и благоразумен.
До наступления беды
От ней спастись и уберечься
Нельзя тому, кто безрассудно
Стремится сам ее накликать!
И ясно, что смиреньем можно
Нам защищаться лишь тогда,
Когда ударит час несчастья!

---

[60] Примечания: 60

Т. е. забросить человека с дурными наклонностями в пустыню, вместо того чтобы воспитанием постараться сгладить его недостатки, так же безрассудно, как разбудить дикого зверя и т. д., ибо в пустыне трудно человеку исправиться от своих пороков. Этими словами С. указывает Василию, что он сам вырыл себе яму.

А избежать страданий тяжких
Никто не властен на земле.
И пусть послужит вам примером
Все, что случилось в эти дни.
Немало здесь событий чудных,
Ужасных бед и приключений!
Не странно ли, друзья мои,
Что, несмотря на все старанья,
Отец лежит у ног моих,
Что он монарх – и побежден?!
Да, было здесь решенье Неба,
Его хотел он изменить,
И все ж не смог. Дерзну ли я,
Неопытный, ничтожный воин,
И меньший по годам и знанью,
Дерзну ли изменить его?
О встань, сеньор, и дай мне руку,
И, чтобы ты вполне поверил,
Что заблуждался ты, желая
Небес решенье изменить.
Скорее обними меня,
А я к твоим ногам склоняюсь.

Василий

Мой сын, какое благородство!
Ты как бы снова зачат мною!
Ты по природе государь,
Тебе приличны лавр и пальма,
Ты победил, и пусть тебя
Твои деяния прославят!

Все

Да здравствует наш Сигизмунд!

Сигизмунд

И так как я хочу немало
Побед великих одержать,
То выше всех одна победа —
Победа над собой! Астольф,
Дай руку милой Розауре;
Ведь ты ее должник, и ныне
Я этот долг хочу взыскать.

Астольф

Согласен я, что должен ей;
Чья дочь она, не знаем мы,
И униженье и бесчестье

Жениться князю на такой!

Клотальдо

Постой, довольно! Розаура,
О князь, не меньше благородна,
Чем ты. Ее отец – Клотальдо,
Он шпагой защитит ее.

Астольф

Возможно ли?

Клотальдо

Я не хотел
Вам тайны этой открывать.
Пока я не увижу дочь
Любимой всеми и в почете —
И замужем за государем;
Рассказ об этом очень длинен,
Но все же дочь она моя.

Астольф

А если так, то я согласен.

Сигизмунд

А чтоб красавица Эстрелла

Поменьше плакала, грустила,
Теряя храброго Астольфа,
Свою ей руку предлагаю;
И если счастьем я и славой
Не выше славного Астольфа,
То все же с ним могу равняться!
Дай руку мне.

Эстрелла

Какое счастье
Выигрываю я с тобою!

Сигизмунд

Клотальдо верного, который
Так доблестно служил отцу,
Мои объятья ожидают
И с ними милости мои:
Все, что попросит, дам ему.

Солдат

Когда ты милости такие
Даешь тому, кто не служил
Тебе, то что же дашь ты мне,
Который был причиной смуты

И спас тебя из башни мрачной,
Где был навек ты заключен?

Сигизмунд

Тебе дарую ту же башню;
Ты жить под стражей будешь там,
До смерти из нее не выйдешь.
Изменник более не нужен,
Когда измена миновалась.

Василий

Мы удивляемся тебе!

Астольф

Чудесно он переменился!

Розаура

Как осторожен и разумен!

Сигизмунд

Напрасно ваше изумленье!
Моим учителем был сон:
Я все еще боюсь, что снова
Проснусь и вновь себя увижу
В темнице мрачной и печальной;

А если этого не будет,
То все же наша жизнь лишь греза,
И знаю я, что наше счастье
Проходит, словно легкий сон,
Хочу я насладиться им,
Покуда будет длиться он!

(*К зрителям.*)

Теперь за все ошибки наши
У вас мы просим извиненья:
Сердцам великодушным вашим
Приятно ближнего простить!